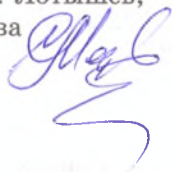

И.В. Жерноклёв, И.П. Лотышев,
С.А. Медведева

**КУБАНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ
И СКАЗАНИЯ**

И. В. Жерноклёв, И. П. Лотышев,
С. А. Медведева

КУБАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ

Диалог-В

Краснодар, 2011

УДК 821.161.1. /470.62/-34
ББК 82.3 /2 Рос/
К 88

**Жерноклёв, И. В., Лотышев, И. П.,
Медведева, С. А.**

К 88

Кубанские легенды и сказания. — Краснодар: Диапазон-В, 2008. — 128 с., ил.
ISBN 978-5-7221-0796-1

УДК 821.161.1 /470.62/-34
ББК 82.3 /2 Рос/

«Кубанские легенды и сказания» — это увлекательные рассказы о горячей любви и духовной красоте, об отваге и преданности Родине.

Книга адресована широкому кругу читателей, она будет полезна также ученикам общеобразовательных школ, всем интересующимся историей и фольклором Кубани.

© И. В. Жерноклёв, И. П. Лотышев,
С. А. Медведева, 2011

© «Диапазон-В», оформление, 2008

ISBN 978-5-7221-0796-1

Предисловие

Каждая местность, каждый уголок земли, где поселились люди, насыщаются поэзией фольклора. У каждого народа появляются сказания о богах и героях, рассказы о богатырях и храбрых джигитах, о любви — несчастной или счастливой, о доблестных сражениях и славных победах.

Такие сказания сложились и на благодатной кубанской земле, где с давних пор жили многие народы: скифы и древние эллины, кочевые и оседлые племена, русские и адыги. Казаки, заселившие Кубань столетия назад, принесли свою культуру — яркую, самобытную песню и пляску, своеобразный говор и характер. Но здешние горы и равнины уже были напоены поэзией легенды.

Именно собирание этих древних поэтических сказаний стало целью краеведа Ивана Жерноклёва и журналиста Ивана Лотышева. Изъездив и исходив весь край, пытливые исследователи собрали много историй, повествующих о происхождении географических названий, об обычаях и традициях племен, живших здесь истари.

В 1959 году вышла книга И. Жерноклёва «По горным рекам» (редактор И. П. Лотышев). В ней была опубликована «Легенда о Лаго и Накэ». По просьбе читателей И. В. Жерноклёв и И. П. Лотышев (в литературной обработке последнего) начали готовить сборник «Кубанские легенды» к выпуску в Краснодарском книжном издательстве. Некоторые легенды И. Жерноклёва были опубликованы в майкопской районной газете «Маяк» — «Седоглавый Фишт» (6 февраля 1971 г.), в «Апшеронском рабочем» — «Гуамское ущелье» (20 ноября 1976 г.) и других.

Сегодня на читательский суд выносит ряд легенд лишь один из составителей сборника. Ушел из жизни И. В. Жерноклёв. За-

дача обобщения материала и издания книги «Кубанские легенды и сказания» легла на плечи автора – редактора, краеведа Ивана Павловича Лотышева.

Увлекательные рассказы, не похожие на скучные страницы учебника, перенесут читателя в мир возвышенных страстей, мир отваги и гордости, неподкупной честности и духовной красоты.

Язык легенд ярок, персонажи оживают перед глазами читателя. Герои часто похожи на сказочных героев: вот мудрая дева Накэ, вот коварный князь Кичмай, вот пастух, влюбленный в княжну, вот блаженствующие старик со старухой – они обрели источник молодости. Можно отыскать и сходство с литературными сюжетами: среди кубанских легенд есть история о здешних Ромео и Джульетте – Агрии и Джубге, только кончается она счастливо.

Текст пересыпан народными изречениями: «Молодость – пташка, старость – черепашка», «Родная земля и в горести мила», «Сильный телом победит одного, сильный умом – тысячи». Язык легенд украшают яркие сравнения: «Турецкое войско поспешно втягивалось в ущелье, как удав в свою нору», «Как нельзя удерживать орла в неволе, так и свободолюбивых горцев нельзя превратить в покорных, заставить быть подневольными».

Расположение легенд примерно соответствует времени, когда случилась та или другая история, увековеченная в сказании.

Вторая часть сборника написана Светланой Медведевой. Ее сказания, независимо от того, в стихах они или в прозе, поэтичны и проникнуты трепетной любовью к родному краю, к кубанским людям. В ее произведениях юный Лермонтов и черкешенка Бэла встречаются на берегу Лабы. Бог отдает кубанцам самую лучшую плодородную землю, а старики продолжают трудиться на благо родной земли. Поэтические философские строки С. Медведевой органично дополняют легенды в первой части сборника.

Наверное, нельзя сказать, что легенды – результат скрупулезного исторического исследования, работа ученого-сборителя фольклора. Это не подлинные произведения фольклора, а лишь литературно обработанный фольклорный материал. Но это гимн родной земле, живописный и свободный, как музыка. А что в легендах правда, что неправда – кто скажет? Разве только сердце читателя, неравнодушного к родной земле. На то они и легенды!

В. Сердечная,
кандидат филологических наук

ЛЕГЕНДЫ

И. В. Жерноклёв и И. П. Лотышев

Об авторах

ЖЕРНОКЛЁВ Иван Владимирович (1921–1993) – заслуженный учитель школы РСФСР, почетный гражданин Майкопского района, отличник народного просвещения, учитель-методист, участник Великой Отечественной войны.

В ноябре 1945 года по состоянию здоровья был демобилизован из рядов Советской Армии. Работал секретарем райкома комсомола в городе Шахты и в поселке Тульском Майкопского района Краснодарского края.

С 1951 года – учитель истории тульской средней школы. Заочно окончил Майкопский учительский институт и Краснодарский педагогический институт.

В 1952 году при тульском Доме пионеров организовал историко-краеведческий кружок. Ежегодно со своими юными краеведами совершал походы по родному краю. Был страстным пропагандистом и популяризатором туристических походов по Адыгее и Черноморскому побережью Кавказа.

И. В. Жерноклёв многие легенды опубликовал в районных газетах «Маяк» и «Апшеронский рабочий», издал книги «По горным рекам», «В предгорьях Кавказа», «Юным туристам» и другие.

ЛОТЫШЕВ Иван Павлович (1921 г.) – заслуженный журналист Кубани, краевед, многие годы своей жизни посвятил изучению природы, истории Краснодарского края и Республики Адыгея. После окончания редакционно-издательского факультета Московского полиграфического института работал старшим редактором отдела краеведческой и педагогической литературы Краснодарского книжного издательства. Затем был ответственным секретарем краевой журналистской организации. Он автор путеводителей «Лазурный берег Кавказа» (1962) и «По берегам двух морей» (1971), учебных пособий для учащихся общеобразовательных школ «Путешествие по родному краю» и «География Краснодарского края», энциклопедического словаря «География Кубани», книг «Люби и знай Кубанский край», «Летописцы Кубани», «Пометы на полях краеведческих книг. Размышления редактора».

И. П. Лотышев осуществил давнишнюю мечту: издал сборник «Кубанские легенды и сказания», над которым начинал работать вместе с И. В. Жерноклёвом в 60-е годы прошлого века.

В настоящее издание, подготовленное И. П. Лотышевым, включены новые легенды и сказания.

Авторы книги будут искренне благодарны тем читателям, которые выскажут свои пожелания и замечания по содержанию и оформлению книги.

Ваши предложения ждем по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 51. Союз журналистов. Для И. П. Лотышева.

Скала стариков

Давным-давно было это, в стародавние времена, о которых никто уже и не помнит. Прошли века, а может, и тысячи лет, сменились сотни поколений. О тех временах старики рассказывали своим внукам, а те, став стариками, говорили уже своим внукам.

В верховьях живописной реки Аше, где ныне Второй Красно-Александровский аул, в Лазаревском районе Сочи, жили адыгейские племена. Не было у них ни царей, ни князей, ни бедных, ни богатых. Но строгими были обычаи адыгов. Родились они из суровой, жестокой, трудной жизни.

Нелегко было горцам добывать пищу. И каждый больной и слабый был им в тягость. Самыми беспомощными оказывались старики. Прожив долгую жизнь, они уже ничем не могли помочь своим родственникам. И тогда неумолимо действовал древний обычай. Стариков относили на огромный утес, обрывом нависавший над рекой, и сбрасывали их в белые бурные воды.

Никто не мог сказать, кто и когда придумал этот страшный обычай, но общепринятый порядок никогда не нарушался, до тех пор, пока однажды случай не изменил его.

...Старый Тахир, всеми уважаемый, мудрый Тахир, ослаб. Он был очень стар. Ему уже давно перевалило за сто лет. В ауле не было ни одного его ровесника. Тяжелая жизнь надорвала его здоровье. Тахир так ослабел, что с трудом поднимался со своего ложа. В солнечные дни, когда кругом все радовалось жизни, он еле-еле выбирался во двор, садился на толстый пень и грел коченеющее тело. Потом медленно, опираясь на посох, возвращался в саклю и ложился в постель. Молодость — пташка, а старость — черепашка...

Был у него единственный внук Аслан, трудолюбивый, сильный, честный и смелый юноша. Он снискал благосклонность жителей аула. Для Аслана дед Тахир стал и отцом, и матерью. Отец Аслана погиб в бою, когда мальчику было всего пять лет. Через три года умерла от горя и мать. Остался у мальчика только дед. Все делал старый Тахир, чтобы воспитать внука достойным человеком.

В огороде и по дому помогал Аслан деду. Иногда дед брал Аслана с собой, в лес на охоту. Стрелком он был отменным, не уступал Тахиру. А однажды сам управился с медведем, что появился в окрестностях аула. И знали его в ауле как юношу храброго, отзывчивого и разумного.

— Хороший у вас внук! — говорили Тахиру аульчане.

Похвала была для деда великой наградой. Он не чаял души в своем внуке, гордился им. А теперь, обесиленный, лежа в постели, он думал, что скоро и его отнесет внук на скалу. Кончится земная жизнь не в бою с врагами, не в драке с хищными зверями, а в волнах бурной реки.

Тахир всегда ждал Аслана с нетерпением. Вечерами он подолгу рассказывал ему о своей длинной жизни, о

боевых событиях, свидетелем которых был сам. Внимательно, с большим интересом слушал внук воспоминания. После беседы иногда дед спрашивал Аслана:

— А скоро отнесешь меня на скалу?

И тогда лицо внука омрачалось. Он надолго погружался в молчание. Что он думал в такие минуты, никому никогда не говорил. А дед не тревожил его. Он хорошо понимал, как нелегко Аслану исполнить обычай.

Совет рода уже не один раз вызывал Аслана и требовал, чтобы он отнес деда на Скалу стариков. Юноша отвечал, что дед еще крепок и все делает сам. Но однажды совет правителей рода строго предупредил:

— Выполняй обычай!

Аслан вернулся в саклю и сказал деду:

— Завтра идем к Скале стариков.

Голос его был тверд, но глаза наполнены слезами.

— Крепись, внук! — ответил дед тихо. — Ты только исполнишь завещанное предками.

Утром Аслан пришел за Тахиром. Взял старика на спину, проверил, чтобы было ему удобно, и понес деда. Все выше и выше шел Аслан, и все медленнее были его шаги. Нет, не тяжелым был старый Тахир — другая тяжесть давила на сердце юноши.

Аслан не дошел до вершины скалы. Он свернул в незаметную пещеру и усадил деда.

— Ты меня маленького не бросил, я тебя старого не брошу и подавно. Будешь жить в пещере. Вот тебе кинжал, а пиццу я буду приносить. Постель тебе сделал.

Скрывая слезы радости, Аслан быстро ушел. Тахир не знал, что и думать: боялся дед, что накажут внука.

Тахир вышел из пещеры, вдохнул приятный запах горных лугов — и наполнилась грудь старика счастьем: еще поживет он на родной земле.

Потекли дни и ночи. Свежий, чистый, ароматный горный воздух бодрил Тахира. Раз или два в неделю, поздно ночью, чтобы никто не заметил, внук приносил деду пищу. Они долго сидели и беседовали. Так прошло много времени.

Однажды, придя к деду, задумчив был Аслан.

— Что с тобой? — спросил Тахир, потирая озябшие жилистые руки.

— Да так, дедушка! Ничего особенного, — уклонился от ответа юноша, помогая деду удобнее сесть.

— Скажи! Может, я тебе помогу.

— Вот уже несколько дней мужчины аула не могут достать со дна реки золотой кувшин. Все ныряют, а достать не могут, — говорит Аслан.

— А на берегу реки есть дерево? — спросил мудрый старик.

— Есть!

— Так вот, кувшин висит на дереве. А в воде — его отражение. Ты же, когда все будут нырять, заберись на дерево и достань сосуд.

На другой день юноша так и поступил. Во всех аулах стали говорить о мудром джигите Аслане.

Через несколько недель старик снова увидел внука мрачным.

— Опять беда? — поинтересовался Тахир.

— Нет никакой беды! — ответил Аслан. — Уже много дней аульчане не могут решить, кто самый мудрый. Было решено, что самым мудрым будут считать того, кто первым увидит восход солнца.

— Ну и что же? — поинтересовался дед.

— Да вот все его замечают сразу.

И дед научил внука, как ему нужно поступить.

Когда в следующий раз все собрались наблюдать восход солнца, Аслан стал смотреть не на восток, а на запад. Чуть-чуть засветлел восток, а высокие вершины гор на западе уже блестели под золотыми лучами солнца.

— Смотрите! Вот солнце! — крикнул молодой джигит.

Люди повернулись и увидели, как все шире и шире становится яркая полоска, освещаемая солнцем, все ниже и ниже опускается ее край. Проснулись птицы, вначале робко, а затем одна за другой защебетали смелее, закуковала кукушка, подул ветерок, тихо зашумел лес. И только тут из-за гор на востоке выкатилось огромное раскаленное солнце.

Юношу признали самым мудрым и избрали его в совет племени. Аслан собрал самых уважаемых людей и хотел рассказать, кто научил его так поступать, но не успел. Прямо на собрание ворвались несколько взволнованных джигитов.

— Что случилось? — грозно спросил Аслан.

— Там с больших лодок высаживаются вооруженные люди!

— Сколько их?

— Много! Они разбойничают...

Тревожная весть быстро облетела аулы. Аслан поделился с дедом народной бедой.

Люди покидали жилища, угоняли скот в горы — только там спасение. На поляне, у Скалы стариков, собрались жители на совет. Они с надеждой смотрели на Аслана. Как бы хотелось ему сейчас спросить мудрого деда Тахира: «Что нам делать?» — но пойти к нему было нельзя. Аслан молча смотрел на Скалу стариков. И вдруг увидел, как из пещеры вышел дед Тахир, облаченный в белые одежды. Никто, кроме внука, его не узнал.

— Смотрите! — показал Аслан рукой на пещеру. — Дух гор! Он не оставит нас в беде!

Адыги поверили, что в тяжелый для племени час явился один из духов-покровителей. Они пали ниц и стали просить о помощи. Тахир поднял руки к небу и громко сказал:

— Жители аула, возьмите с собой самое необходимое. Я вас отведу в безопасное место.

Когда все собрались, Тахир сказал:

— Люди, следуйте за мной!

Повернулся и скрылся в пещере.

Аслан верил своему деду и смело направился в пещеру. Все последовали за ним. Люди шли, углубляясь в темноту. Белое платье старика было для них как маяк для корабля в ненастье, как путеводная звезда. Глухо раздавались шаги под сводами пещеры. Никто не разговаривал.

Долго шли жители аула по подземным переходам. Им казалось, что не будет конца пещере. Но вот впереди забрезжил свет, и скоро измученные люди вышли на освещенную солнцем зеленую поляну. Никто из них здесь раньше не бывал. Место оказалось безопасным и удобным для разгрома врага.

Главы родов стали совещаться с Тахиром. Решили дать бой чужеземцам. Руководить сражением поручили Аслану. Детей и женщин отправили на скалы: они должны были забросать пришельцев камнями.

Молодые джигиты приняли бой первыми, увлекая врагов за собой в ловушку. Захватчики потерпели поражение, никому не удалось уйти живым. Победила мудрость Тахира. Не тот силен, кто сильнее, а тот, кто мудрее.

Аслан собрал всех жителей аула и рассказал, кто помог ему стать ловким и мудрым, кто помог победить врага. У стариков — жизненный опыт, у молодых — отчаянный задор. Люди благодарили Тахира за спасение.

Тогда на совете племени единогласно было решено чтить и уважать стариков, советоваться с ними, ничего не предпринимать без их указания. Было под страхом смерти запрещено уводить беспомощных людей на гору старости.

Вот уже тысячи лет адыги чтят родившийся в трудное время обычай: они уважают стариков, слушают их мудрые советы. А в верховьях реки Аше можно и сейчас увидеть Скалу стариков и Пещеру спасения, пройти к которым лучше всего через удивительное Ашейское ущелье.

Абрау-Дюрсо

Давным-давно, когда озера Абрау еще не было, в этих местах, поросших лесом, водились различные звери, птицы, а небольшие шумные горные речки кишели рыбой. С высоких холмов виднелась лазурная морская гладь.

Благодатные эти места машили людей. С незапамятных времен здесь жили адыгейские племена. Они селились небольшими аулами. Жили дружно. Часто собирались на совместные празднества. Ездили друг к другу в гости, роднились. В ауле уважали и почитали старость, ничего не делали без совета и разрешения умудренных жизнью людей.

Занимались охотой, рыбной ловлей, земледелием. Расчищали лесные поляны, обрабатывали землю-матушку — кормилицу. Выращивали просо и кукурузу.

С большим трудом доставался в этой гористой местности хлеб. Пекли пшеничные круглые, плоские лаваша. Хлеб берегли, ели понемногу. Страшному наказанию подвергался тот, кто бросал кусок лаваша. «Солнце дает жизнь земле, а хлеб — людям», — говорили мудрые старики.

Так и жили горцы дружно и радостно — до тех пор, пока не появились рядом с ними неизвестно откуда пришедшие жестокие и злые люди.

В долине мелководной речки, зажатой горами, возник аул. Его жители не пахали, не сеяли, не охотились, с соседями не дружили, к себе никого не приглашали. Кто в гости не зовет, тот недобрым слывет. На берегу речки часто горели костры, и далеко вокруг разносился запах жареного мяса. А потом у костра мелькали в неистовом танце фигуры людей, озаренные ярким пламенем.

Доходили слухи, что в ауле живут богато и весело. Но жители его на поле не трудились, в лесу не охотились, в реках и в море рыбу не ловили. А жили разбоем. Предводителем у них был горячий, как огонь костра, молодой князь Абрау.

Однажды, в один из набегов, джигиты Абрау захватили пленников, среди них была красивая черкешенка по имени Дюрсо. По случаю удачного похода Абрау устроил пир на весь мир. Далеко разносились восторженные крики, смех, музыка. Насытившись, начали состязаться в борьбе, потом в метании копья, затем стали бросать глиняные тарелки. И скоро все перебили их. Тогда в азарте Абрау начал метать лешенки.

— Глядите, как летает лаваш! — хохотали воины Абрау.

Князь старался привлечь своей ловкостью и меткостью внимание понравившейся ему пленницы. Увидев брошенный лаваш и довольного своим успехом, возбужденного Абрау, Дюрсо закричала:

— Прекратите! Хлебом не играют! Аллах покарает вас! Умному горе, а дураку смех!

— Аллах нам не указ! Веселитесь, нукеры! — И предводитель снова метнул лаваш под хохот своих воинов.

Дюрсо заметила ловкость, стать и красоту Абрау, но она с горечью подумала: «Жаль, когда у красоты нет ни ума, ни совести, ни порядочности».

— Великий грех так обращаться с хлебом! Хлеб — дар Аллаха! Он может покарать нечестивцев, — вновь сказала Дюрсо, но на ее слова опять никто не обратил внимания.

Вдруг Дюрсо почувствовала, как кто-то невидимый словно велит ей, шепчет на ухо: «Уходи в лес, уходи в лес...» Она, как замороженная, стала медленно удаляться от шумного веселья.

Черные тучи начали закрывать голубое солнечное небо. Вокруг все утонуло во мраке. Поднялся сильный воющий ветер. Грянул гром такой силы, что земля задрожала, освещенная ослепительной молнией. Наступила непроглядная тьма. Неистово кричали люди, жутко выли собаки, мычали коровы, блеяли овцы. Вдруг что-то загрохотало, словно обвалились горы, и... наступила гробовая тишина.

Когда черная пелена растаяла и кругом стало светло, на месте аула появилось озеро. Голубая гладь воды плескалась о берег.

Удивленная и испуганная, черкешенка подошла к озеру и горько заплакала. Вместе с жителями аула погибли ее мать и отец, взятые в плен во время набега. Дюрсо рыдала. От ее слез образовался ручей, который тихо струится и по сей день. «Слезы черкешенки» — называли его.

Убитая горем, потрясенная увиденным, Дюрсо в отчаянии бросилась в озеро. Но Аллах не дал ей смерти. Она пошла по водной глади, как по гладкой дорожке. Прошла через все озеро и скрылась за горами, в пучине

Lightning strikes a point on the ground, creating a large, glowing, circular area of light.

морской. Там, где прошла Дюрсо, осталась дорожка. И сейчас, в лунную ночь, можно видеть серебристую полосу, пересекающую темную гладь озера.

— Это дорожка черкешенки, — говорят старики.

Еще говорят, что из озера потекли четыре речки. Расходясь во все четыре стороны, они рассказали людям о гибели аула и призывали всех жить в мире, согласии и дружбе, почитать хлеб — божественный дар. «Без хлеба живот никогда не живет. Хлеб всему голова», — говорят старики.

Место это стали называть Абрау-Дюрсо, озеро — Абрау, а речку, которая, минув озеро, впадает в море, нарекли Дюрсо. «Абрау-Дюрсо» в переводе с абхазского означает «провал четырех речек»: «абрау» — провал, «дюр» — четыре, «су» — вода, река. На самом деле из озера не вытекает ни одна река. В него впадают небольшая речушка и несколько ручьев.

Горячие ключи

Там, где ныне расположен курорт Горячий Ключ, много лет тому назад на берегу горной реки возвышался дворец из белого и красного камня, построенный лучшими мастерами того времени. Колонны его отражались в голубых, тихих, прозрачных водах — таких чистых, что даже мелкие камешки были видны на дне реки. Но когда в горах случались дожди, река превращалась в мутный, бушующий поток. Заливала берега, тащила камни и деревья. Ливень проходил, и река постепенно успокаивалась, снова становилась тихой, голубой. Поэтому ее и стали называть Псекупсом, что значит «спокойная голубая вода».

Царский дворец окружал роскошный сад. Здесь звонко разносились птичьи голоса. Весной буйно цвели

деревья, а летом и осенью ветви гнулись от сочных, ароматных, вкусных плодов.

Дворец принадлежал богатому царю Аюку. Молва о его сокровищах и красивой, гордой дочери давно ходила по окрестным аулам. Многие джигиты мечтали покорить надменную красавицу Леру — дочь царя.

Рядом с владениями царя Аюка находились земли князя Беша. Молодой, горячий джигит большую часть своей бурной жизни проводил в разъездах. Говорили, будто много набегов совершал, много и добычи привозил. А верно ли? Кто знает? Слава о его смелости, ловкости и богатстве дошла и до царя Аюка. Решил старый царь поближе узнать богатого молодого соседа. Подумал царь и о дочери: пора уже и замуж. Не откладывая задумку в долгий ящик, тут же послал приглашение князю.

Вскоре пожаловал сам князь. Без обеда не красна беседа! После изобильного застолья, дружелюбного разговора царь предложил гостю пройтись по саду.

— С удовольствием! — воскликнул князь. — Я много о нем наслышан.

Прогуливаясь, они встретили Леру. Отвечая на приветствие гостя, она грациозно поклонилась отцу, князю и хотела пройти мимо.

— Лера, — обратился царь к дочери. — Это наш сосед, князь Беш.

— Приятного вам общения, — дочь окинула гостя строгим взглядом. — Отец, позвольте мне уйти. У меня болит голова.

Царь не стал ее задерживать.

— Как прелестна ваша дочь! — сказал князь, провожая ее взглядом.

— Да, — лицо отца озарилось улыбкой. — Мое бесценное богатство...

Продолжая прогулку, царь охотно рассказывал гостю о фруктах и деревьях своего сада. Но князь не слушал его. Он был опечален равнодушием Леры. Желанного приятного знакомства не состоялось. Скрывая уныние, ссылаясь на неотложные дела, князь откланялся и ускакал.

Уходили дни за днями. В новых смелых, дерзких походах князь не мог забыть холодность Леры. Стоило ему закрыть глаза, как царица вставала перед его взором в своем белом длинном платье. Беш твердо решил снова навестить царя, встретиться с Лерой и признаться ей в своей страстной любви.

И вот в один теплый солнечный день князь подъехал к дворцу, молодецки соскочил с коня, отдал поводья слугам и легкой походкой направился к царю. А вот и она, — та, о которой мечтал, о которой грезил.

Царь предупредил дочь о приезде князя. Но гордая Лера заявила отцу, что не хочет видеть Беша. Лера вышла встретить гостя только после упорных уговоров.

Кругом щебетали, пели о чем-то птицы, тихо шептались кудрявые деревья, вдоль дорожки, вымощенной цветным камнем, лилось благоухание цветов. Князь, волнуясь, все же твердо шел навстречу своей судьбе.

Прищурившись, Лера насмешливо посмотрела на джигита в парадном одеянии и, улыбаясь, сказала:

— Царь послал меня встретить вас, князь. Он ждет.

Князь выдержал ее взгляд, смело посмотрел в черные, обжигающие глаза и заявил:

— Я приехал к вам, моя госпожа. Я люблю вас, прошу вашей руки и сердца, — князь опустился на колени.

— Не смешите! — Лера звонко рассмеялась. — Встань-

те, разряженный князь! Вы мне не пара. Не тратьте времени зря!

Подхватив двумя руками длинное платье, повернулась и, раздраженная встречей, побежала к дому.

У князя забилося сердце, лицо стало как маков цвет; сдерживая гнев, он бросил вдогонку гордячке: «Оскорбления не прощу! Запомни!» — и поспешно покинул дворец.

Князь сердито хлестал коня, хотя тот и так летел во весь опор. Ветер бил ему в лицо, но наездник ничего не чувствовал.

Прошло несколько дней. Обида и злость не утихали. Однажды вечером у ворот своего замка сидел задумчивый и грустный князь. К нему подошел сторбленный старец, неизвестно откуда появившийся.

— Князь, вижу, твое сердце томится, оно изранено безответной любовью. Твоя избранница коварно осмеяла чувства гордого князя. Не изволишь ли облегчить твои страдания? Могу исполнить твои желания, — вкрадчиво говорил старец.

— Как? — встрепенулся князь.

— Я заставлю мучиться ту, которая мучит тебя. Я сделаю ее безобразной, уродливой.

— Сделай! Успокой мою душу. Она смертельно оскорбила меня, храброго джигита... Что ты от меня хочешь за это? Говори...

— Душу, — шепнул старец.

— Душу? — князь задумался. Вспомнил оскорбительные слова, вздохнул. — Согласен!

— Через неделю приезжай к царю, увидишь, я не обманул тебя, — пришелец мгновенно, незаметно исчез.

Была середина лета. Стояли жаркие дни. В такое время Лера со своими служанками забиралась в сад и

— О Аллах! Смилуйся, помоги мне вылечить дочь, — каждый день молил царь.

Аллах сжалился над царем и его дочерью. Он каждому воздал по справедливости. Злого князя и безжалостного дьявола заключил в подземелье, заставил их греть на огне воду и выливать ее на поверхность земли.

Так появились недалеко от царского дворца горячие ключи. Вода имела целебную силу. Лера стала купаться в ней и быстро излечилась. Она обрела прежнюю красоту — но уже без горделивости. Здесь же стали лечить свои болезни люди, живущие в соседних аулах.

Князь и дьявол, прикованные цепями к скалам мрачного подземелья, до сих пор греют воду, а она бьется на поверхности земли горячими ключами.

Лаго и Наки

Легенда о страстной и трагической любви двух молодых сердец передается из поколения в поколение многие, многие годы. Жили влюбленные в ауле, недалеко от нынешнего Майкопа.

Наки — дочь князя Киша — была красивой и разумной, смелой и веселой девушкой. В шестнадцать лет она могла легко вскочить в седло, удержать в узде любого скакуна. Часто отправлялась с отцом осматривать табуны лошадей, выезжала с ним и на охоту. Глаза у нее были голубые-голубые, как весеннее небо. А волосы — золотистые, мягкие, длинные, словно пшеничное поле, волнами переливаются. Красотой она сводила с ума аульских парней. Многие засылали сватов, но князь всех отваживал, всем с гордостью говорил:

— Любимая дочь выйдет замуж за самого богатого, самого храброго, самого красивого.

Среди джигитов близлежащих поселений не было такого. Князь не терял надежды: придет время — и обьвится желанный его сердцу.

Лаго был простым пастухом, в ауле его уважали за честность и доброту, храбрость и веселый нрав. А как заиграет на камыле — заслушаешься! Когда звучала его свирель, даже коровы и овцы переставали жевать траву, о людях и говорить нечего, останавливались и как завороженные слушали.

Лаго не раз замечал, как Наки внимательно слушала его говорящую свирель.

Однажды Лаго пригнал коров на водопой к реке Белой, сам лег под кустом немного отдохнуть. Послышались шаги, он поднял голову. Перед ним стояла Наки. Пастух вскочил, удивленно посмотрел на нее. От растерянности и радости он не мог ничего сказать. Затянувшееся молчание первая нарушила Наки.

— Душевно ты играешь. Сыграй... Хочу послушать, — на ее румяном лице появилась улыбка.

Свирель запела о грустной жизни в неволе — Лаго пережил тяжелое детство: турки увезли его и продали в рабство. После трех лет рабского труда ему удалось бежать. Вернулся на родину. Пела о высоких горах и степных просторах, о джигитах, побеждающих врагов — захватчиков земли родной. Пастух смотрел на Наки, а княжна — на Лаго. Оба они были очарованы: она — бархатными звуками свирели, он — божественной красотой княжны.

Вдруг свирель замолчала: пастух, волнуясь, сказал:

— Если князь узнает, что ты приходила ко мне, он накажет нас.

— Отец в отъезде. Не узнает, — девушка засмеялась и направилась к бурно бегущей реке.

Несколько дней Лаго не мог забыть встречи. Наки была очень красива, держалась с ним приветливо. Он все время думал: сможет ли она полюбить его, бедного пастуха? Дочь богача, да еще князя, не могла выйти замуж за бедного — этого не позволяли обычаи. Так сказано и в Коране — священной книге мусульманской религии.

Через несколько дней они вновь встретились — случайно. Наки смущенно опустила глаза, лицо зарумянилось. Любовь вспыхнула жарким пламенем, ее уже ничем нельзя потушить.

Лаго, нежно сжав ее ладонь, быстро заговорил. Решил высказать любимой все, о чем размышлял, о чем мечтал в ожидании встречи. Когда Лаго смолк, Наки взволнованно прошептала:

— Зайдет солнце... встретимся... там, — показала рукой в сторону векового дуба, — буду ждать... приходи, — и поспешно скрылась за кустом шиповника.

Вечером у векового дуба Лаго и Наки поклялись любить друг друга вечно. Любовь будет такой же крепкой, как этот коренастый дуб, приютивший влюбленных под своими ветвями. Сколько радостных вечеров провели они вместе! Жизнь для них стала сказкой вечной пылающей любви. Он — пастух, она — княжна, а любовь объединила их, сделала их счастливыми. Любовь — великий дар человеку. Любовь — могучая сила, наполняющая жизнь особым смыслом.

Лето катилось к концу. В свои владения вернулся князь Киш.

Узнав о встречах дочери с пастухом, грозный князь Киш пришел в гнев:

– Пастух! Как он посмел видеться с моей дочерью?! Запретить! Засечь плетью на людях! Выбить дурь из головы!

Князь сурово наказал всю стражу. Лаго в тот же день изловили и доставили в темницу.

Наки смертельно встревожилась, когда эту страшную весть принесла верная ее служанка. Княжна была уверена: если она не освободит Лаго, утром его засекут. «Нет! Не быть этому! Я спасу любимого». Она стала обдумывать план смелого тайного побега.

Подкупив стражу, ночью Наки освободила Лаго. Они сели на коней и ускакали в горы. Искры летели из-под копыт горячих скакунов. Только с рассветом, когда солнце окрасило вершины золотом, а воздух, насыщенный пряным ароматом трав и цветов, потеплел, остановили они лошадей у говорливого ручья. Ледяная вода сняла усталость лошадей и беглецов.

Утром князь узнал от слуг: его любимая единственная дочь, потеряв стыд и честь, сбежала с пастухом в горы.

– Догнать! Запороть! – разъяренный князь метал громы и молнии, хлестал плетью стражников.

Немного отдохнув, беглецы поскакали – все дальше и дальше от родного аула. Вдруг послышался разноголо- сый лай собак. Лаго и Наки напрягли слух, остановили лошадей.

– Это собаки отца! – Наки ударила коня плетью.

– Выше в горы! Там наше спасение! – крикнул Лаго, догоняя спутницу.

Впереди, на небольшой поляне, Наки увидела всадников и услышала грозный окрик отца:

– Дочь, опомнись! Вернись! Я прощу твое безумство!

В ответ на мольбу отца Наки ударила плетью коня и помчались по тропе, ведущей к лошине. Здесь беглецов ждала другая группа всадников.

— Лаго! Мы окружены! — Наки остановилась.

— За мной, любимая! Мы прорвемся! — размахивая саблей, Лаго стал отчаянно рубить всадников, освобождая путь Наки.

Они вырвались из окружения. Все дальше уходили от погони.

Снова послышался справа и слева лай собак. Впереди — обрыв. Глубокое ущелье. Лаго бывал в этих местах. Короткая тропа вела к обрыву. Они остановили коней, спешили.

— Наки, любимая! — Лаго крепко обнял княжну и стал страстно ее целовать. — Не суждено нам быть вместе. Оставайся! Отец помилует тебя! Прощай, любовь моя!

И он с разбегу бросился вниз.

— Лаго! — в отчаянии крикнула Наки. — Даже смерть не разлучит нас, любимый! — И, словно раненая птица, распластала руки-крылья, последовала за ним.

Подул холодный ветер. Темные лохматые тучи затянули небо. Громовые раскаты сотрясали землю. Ослепительно сверкали исполинские молнии. Обрушился страшный ливень, смывая все на своем пути. Казалось, даже небо было против нелепой смерти двух влюбленных.

Давным-давно случилась эта трагедия. Нагорье, где погибли пастух и княжна, до сих пор хранит их имена — Лагонаки.

Лагонаки, высокогорное плато (нагорье), расположено на высоте 2500 метров над уровнем моря, в междуречье Белой и Пшехи (Майкопский район Республики Адыгея).

Лаго и Накэ

(Второй вариант)

Люди, живущие в горах, подобны горным орлам, парящим высоко в небе. Они вольные птицы. Свобода для них дороже всего. Как нельзя удержать орла в неволе, так и свободолюбивых горцев нельзя превратить в покорных, заставить быть подневольными.

По берегам рек Цеце и Молочной, у истоков Курджипса и Белой, жили абадзехи — адыгейское племя. Жили в дружбе и согласии. Для решения важных вопросов собирались старейшины родов во главе с вождем племени и решали спорные дела. А когда стоял вопрос о войне и мире, собирались старейшины и джигиты. Адыги чтили стариков, прислушивались к их мнениям, уважали лихих наездников, смелых джигитов.

Устраивали состязания в ловкости и силе. В праздничные дни собирались всем аулом. Седоголовый Фишт — вождь племени — в окружении старейшин и самых старых жителей занимал почетное место. Распределителем игр был Оштен, вождь одного из родов. Седина уже начинала серебрить его волосы, но он был по-прежнему могуч, ловок, силен и пользовался большим уважением.

Из молодых джигитов самым ловким, смелым и находчивым был Лаго. В стрельбе из лука — первый, в метании копья — первый. А как он смело джигитовал, ловко рубил саблей! Все зрители восхищались его сноровкой.

— Молодец Лаго — настоящий джигит! — одобрительно покачивали седыми головами старики.

Накэ, дочь Оштена, среди девушек аула выделялась красотой и веселостью. Была, как утренняя заря, румяна. Карие глаза блестели, словно звездочки; черные

брови, будто крылья птицы, то взметались, то опускались. Длинные волосы, заплетенные в десятки тонких кос, рассыпались по плечам и спине до самого пояса. Была Накэ, кроме того, смелой наездницей.

На состязаниях она всегда смотрела на Лаго, радовалась его успехам.

— Счастливая ты, Накэ, — говорили с завистью подруги. Накэ улыбалась и отшучивалась.

Накэ и Лаго любили друг друга. Родители радовались взаимной любви и готовились сыграть свадьбу.

Но однажды мирная жизнь свободного народа была нарушена. На побережье Черного моря, где жило родственное племя, высадились заморские завоеватели. Гонец, прибывший к Фишту, доложил скорбную весть:

— С кораблей высадились чужестранцы. Грабят, убивают. Увозят девушек и юношей.

— А вы что, разбежались? — спросил встревоженный Фишт.

— Нет! Мы сражались храбро. Но силы наши неравны. Я ранен. Не ушел бы с поля боя, но вождь послал меня. Нужно объединиться, чтобы победить. Враги движутся сюда.

— Собрать всех воинов! — приказал Фишт своим помощникам.

— Люди! Враг идет войной. Защитим родную землю! — разлетелись призывы по округе.

Вечером, когда огненное солнце готовилось уйти за горизонт, джигиты собрались на поляне совещаний. Как только показались старики во главе с Фиштом, все притихли и склонились в почтении.

— Храбрые джигиты! — обратился Фишт к воинам. — Враг приближается к нашим аулам. Они жгут, уничто-

жают посевы. Уводят людей в рабство. Защитим нашу землю!

— Фишт, веди в бой!

— Будем биться до последнего!

— Смерть или победа! — кричали воины.

Военный совет решил принять бой тремя отрядами. Первый — из самых опытных воинов, седовласых стариков — вел вождь, могучий телом и духом старый Фишт; второй отряд из зрелых мужей возглавил Оштен. Юных джигитов повел Лаго.

Рассветало. Лучи солнца позолотили вершины гор, но туман еще плавал в ущельях, сплошной массой темнел лес. Старые воины, привыкшие к мечам, к тяжести щитов, шли навстречу врагу. Прошло несколько часов. Адыги увидели противника — блестели на солнце военные доспехи.

— За мной! Сокрушим врага! — призвал Фишт.

Мечи скрестились с мечами, звенели щиты, ломались копья. Крепко бьются старики. Фишт направо и налево наносит удары тяжелым мечом. Вражеское войско вокруг него редет.

— Где ты, Оштен? Где ты, Лаго? — кричит Фишт: силы его слабеют.

— Фишт, держись! — слышит он могучий голос Оштена.

— Вождь, мы здесь! — доносится до него звонкий голос Лаго.

Возрадовался Фишт, скользнула улыбка по седым усам. Он повернулся, чтобы подбодрить своих храбрцов. И в этот момент вражеское копьё вонзилось в шею Фишта. Покачнулся богатырь, зашатался и, как срубленный мощный дуб, рухнул на родную землю.

Битва продолжалась. Храбро сражаются горцы. Но

неравны силы. Пали старые воины. Сильно поредела дружина Оштена, и сам он смертельно ранен. Не один десяток врагов сразил его меч. И тут вихрем налетели на врага юные джигиты во главе с Лаго. Он сам на белом коне – грозный, словно ангел мести, быстрый, словно горный орел. Сверкает на солнце его сабля и крушит врагов.

Уже затупились сабли джигитов, притомились кони. А сеча не ослабевает. Смертельно ранен Лаго. Враги попытались схватить его, но друзья пришли на помощь, отбили. Услышав стон всадника и слова: «Домой, Казбек. Домой – Накэ... Накэ...», верный конь с драгоценной ношей вихрем прорвался из окружения и стрелой полетел к аулу.

Накэ и подруги перевязывали раны воинам, которых привозили с поля боя. Сердце Накэ тревожно билось, чувствуя беду.

Вдруг женщины увидели, как с той стороны, где шел бой, мчится белый конь — летит, как огромная птица.

— Лаго! Это конь Лаго! — голос Накэ дрожал. — Что случилось?

Она бросилась навстречу коню, размахивая руками. Конь заржал и замер перед Накэ. Лаго крепко вцепился в гриву коня.

— Накэ, нужна помощь! Труби сбор, в бой... — еле слышно сказал Лаго и упал на землю.

— Лаго! Милый! — закричала Накэ, целуя умирающего джигита.

Накэ надела доспехи Лаго и на белом коне ринулась в бой. За ней мчались все, кто мог сесть на коня и мог владеть саблей.

Приняв Накэ за своего командира, джигиты закричали:

— Лаго жив! Помощь пришла! — громом небесным разносилось вокруг. Джигиты воспрянули духом, стали сражаться яростнее.

Враг дрогнул, не выдержав нового удара. Бросая оружие, противник бежал к морю.

Адыги победили. В победном сражении погибла мужественная дочь вождя. Когда узнали, что вместо Лаго храбро сражалась Накэ, все были восхищены ее твердостью духа и находчивостью.

Лаго и Накэ похоронили на поле брани. В последний путь героев провожал весь аул.

Давно это было. Прошли сотни лет. И стоят с тех пор в предгорьях Кубани седые горы Фишт с Оштенем и молодое нагорье Лагонаки.

Девичий камень

На пути из Хаджоха в станицу Даховскую, у дороги, с правой стороны, лежит огромный камень. В незапамятные времена эта глыба оторвалась от скалы и, уничтожая все на своем пути, скатилась вниз — и задержалась недалеко от реки Белой.

Прошло с тех пор много времени, камень врос в землю. Южная сторона его пологая, с северной — отвесный обрыв. На вершине небольшая площадка. Скучная трава покрывает ровную поверхность. Чудом кажется растущее на камне небольшое деревце.

Давным-давно камень этот называли Черкесским. Позже, когда в этих местах поселились казаки, — Казачьим. Называли камень и Девичьим. Согласно легенде, однажды молодая черкешенка посрамила юношей-джигитов: верхом на коне она вознеслась на вершину вала.

Легенда эта такова.

В те времена, когда среди горцев уже распространилась мусульманская вера, женщина к супругу относилась с рабской покорностью. Она не могла присутствовать там, где собирались мужчины, не могла быть и всадницей. Религия запрещала ей показываться в обществе.

Ежегодно весной у вросшего в землю камня проводились состязания мужчин племени абадзехов. Под зорким наблюдением старшин юноши, достигшие совершеннолетия, должны были показать свою удасть. Тот джигит, который верхом на коне достигнет вершины камня, остановится там, а затем спустится вниз, пользовался особым почетом, большим уважением племени. О нем говорили во всех аулах, слагали песни, а девушки мечтали о таких удалых женихах.

В день состязаний участники и зрители расположились на берегу Белой. Убеленные сединами старики приготовились судить. Их решение считалось непреложным. Никто не мог его оспорить. А если джигит, решившись на состязание, отступал, — приговор был жесток. Труса все презирали.

Главный судья, самый древний старик, знаток и хранитель черкесских обычаев, подал сигнал о начале состязаний. От группы столпившихся джигитов отделился стройный, словно молодой тополь, юноша. Одежда его была богато украшена, на боку — дорогой кинжал. Всадник и конь слились в единое целое и помчались навстречу удаче. Вот конь звонко бьет копытами о камень, все выше и выше взбирается вверх. Осталось немного и — победа! Толпа одобрительно гудела. Вдруг пронесся стон — конь споткнулся. Всадник вместе с конем свалился вниз с отвесной стороны камня. Окровавленный, испачканный наездник приподнялся и, хромая, похлопывая коня по мокрой шее, направился к лесу. Джигит не стал победителем, но и не был посрамлен.

Штурм камня продолжался. Были и такие всадники, которые не смогли даже ступить на камень и с позором покидали торжество.

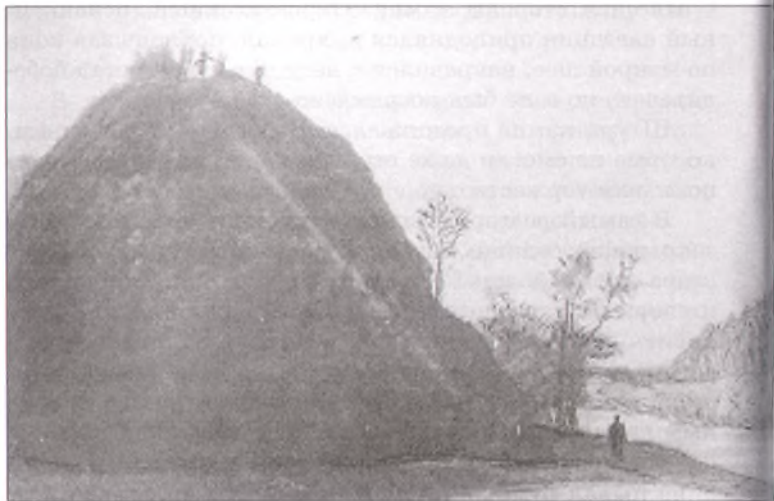
В самый разгар праздника появились черные тучи, закрывшие солнце. Загремел раскатисто гром. Как из ведра полил дождь. Но люди не уходили. Они ждали и спорили, кто же из оставшихся джигитов сумеет покорить злосчастный камень, с которого стекали струи дождя. Единственная тропа, выбитая копытами коней, стала скользкой. Еще несколько смельчаков со страшным криком свалились с камня, не достигнув гребня.

Остался последний, самый юный джигит. На его лице пылал румянец, черные глаза пронзительно смот-

рели вперед. Старейшина подал знак — юноша прищиприл коня. Тот, словно стрела, пущенная сильной рукой, молниеносно устремился к цели. Конь быстро взбирался к вершине. Даже опытные наездники восхищались ловкостью юноши, его отвагой и умением управлять конем. Все затаили дыхание, напряженно ожидая конца испытания. Неужели и этот всадник не достигнет заветной цели?

Прошло несколько томительных секунд. И вот — всем на удивление и радость — всадник на вершине! Конь застыл как изваяние. Юноша встал в седле во весь рост и восторженным взглядом окинул через косые нити дождя шумную удивленную толпу, долину с роскошными садами, зеленые луга, девственный лес у подножия гор со снеговыми вершинами.

На фоне серого мрачного неба всадник казался божеством. Старейшины одобрительно кивали и улыбались.

— Победителю — первый приз! — кричали собравшиеся.

Возбужденный народ хлынул к камню, приветствуя героя радостными возгласами. И тут все участники праздника остановились, пораженные.

Юный джигит резким движением снял папаху — и на плечи упали длинные черные косы. Девушка стояла гордо, восторженная улыбка озаряла ее румяное лицо.

— Почтенные старейшины! Храбрые джигиты! — обратилась к людям юная наездница. — Сегодня вы убедились: женщины тоже могут быть храбрыми! Они хотят быть не рабынями мужей, но их верными подругами!

Ее слова были внезапны, словно гроза среди ясного, солнечного неба. Участники торжества, удивленные смелой, страстной речью девушки, молчали. Тогда один из старейшин — то был эфенди — подошел к камню и закричал:

— Горцы! Это не женщина! Это ведьма! Она — проклятие Аллаха! Он послал нам ее в наказание. Берегитесь ее! Даже небо против нее. Тучи закрыли солнце, когда она въезжала на камень...

Эфенди еще что-то запальчиво, сердито говорил, потом ударил палкой по камню, плюнул и поспешно направился в сторону аула. Разгневанные старейшины приказали всем участникам праздника разойтись.

На вершине камня по-прежнему гордо стояла всадница. Ее слова, как стая белых голубей, вспорхнули высоко в небо, которое вновь стало голубым и безоблачным. Правда светлее солнца, дорожке золота.

По велению эфенди камень подвергли проклятию. Внушили жителям аула страх перед ним, заставляли

всех обходить его стороной. Запретили устраивать и состязания.

Народ же помнил о гордой девушке, смело выступившей против суровых законов адата. Из поколения в поколение передавалась легенда о ней. Но никто так и не узнал, куда ушла храбрая наездница, покинув милые сердцу родные места.

Водопад «Слезы Лауры»

Маленькая горная река бурлива и своенравна. Она, словно серебряная лента, вьется по горному массиву, прокладывая путь к морю. Холодна изумрудная вода. Местами река скрывается под землей или в тесном ущелье, и из-под каменных плит доносится ее глухой рокот.

В верховьях этой реки, под сенью деревьев, разбросал белые сакли адыгейский аул. А недалеко от него, на серой скале над обрывом реки, возвышался замок старого князя Кичмая. Вооруженная стража днем и ночью прохаживалась по широким стенам крепости. Все подходы к замку были под защитой острых стрел. Жил князь одиноко, как горный хищник.

Однажды, проезжая через аул, князь увидел в группе смуглых, черноглазых и черноволосых горских девушек одну, не похожую на них. Она была стройна, светлые, льняные волосы крупными локонами спускались на плечи. Глаза — синие, как небо над горами, на щеках играл яркий румянец. Она не отвела взгляда, когда князь пристально рассматривал ее среди смуглых подруг.

— Кто она? — спросил князь своих приближенных, показывая на девушку плетью.

— Это Лаура. Русская она, — ответил один из них.

— Как она оказалась здесь? — нетерпеливо спросил князь.

— Двухлетним ребенком ее привез джигит. Во время одного набега на русское селение он убил ее родителей, а девочку увез, — почтительно ответил слуга.

Нахмурившись, князь молча продолжал путь. Много перевидал он на своем веку девушек и женщин, но такую красавицу встретил впервые.

Свита князя скрылась за аулом. Девушки окружили Лауру и наперебой защебетали:

— Берегись! Ты видела, как князь смотрел на тебя? Словно кот на мышонка!

— Берегись! Это добром не кончится.

Тяжелый камень лег на сердце девушки после пристального взора князя и разговоров подруг. Она с нетерпением ждала наступления темноты.

Вечером прошел мелкий дождик. Деревья сбросили на землю сверкающие капли. Воздух был влажен, напоен ароматами цветов и трав.

Лаура, затаив дыхание, по извилистой тропинке спустилась к реке. Там, в условленном месте, ждал ее любимый Каймет — статный, черноволосый юноша с мягким взглядом карих глаз. Все сильнее билось сердце девушки.

Из-за кустов появился юноша, она бросилась в его объятия.

— Каймет, милый!

— Лаура, солнце мое!

Какое счастье — любить и быть любимым! Они рассказали друг другу, что видели и о чем думали в прошедшие дни. Каймет заметил грусть Лауры.

— Радость моя, что тебя печалит? Расскажи, не скрывай...

— Сегодня через аул проезжал князь. Он так смотрел на меня... Не к добру это.

— Не бойся. Я защищу тебя. Я увезу тебя в горы!

Прошло несколько дней. Раздраженный князь слонялся по комнатам замка. Слуги перешептывались, ходили на цыпочках. Они знали причину его гнева.

А дело было так. Утром князь приказал доставить Лауру в замок. Она вошла в хоромы в сопровождении слуги — гордая, неприступная. Князь посмотрел на нее, и старое сердце забилося в истоме.

Князь предложил показать Лауре его сокровища, перед которыми, казалось, никто не мог бы устоять. Слуги водили девушку по залам и подвалам, расхваливали дорогие меха и ткани, оружие и украшения, драгоценные камни и золото. Затем повезли на зеленые луга, где паслись табуны коней и отары овец.

— Ну как? — спросил вечером князь. — И все это будет принадлежать тебе, если станешь моей женой!

— Я выйду замуж за того, кого люблю, кто мил мне душой.

В простеньком домотканом платьице, ладно сидевшем на ней, Лаура была так строга и величественна, что казалась божеством. Гордость русской девушки выводила князя из себя.

— Все равно будешь моей! — и обе руки приложил к сердцу.

— Никогда! Я люблю Каймета! — гордо посмотрев на князя, она добавила: — Позвольте мне уйти.

Князь, сдерживая злость, спокойно, с наигранной вежливостью сказал слугам:

— Пожалуйста, проводите Лауру из замка.

Князь не скоро пришел в себя.

— Поймать Каймета, привести сюда! — повелительно топнул ногой старик. — Посмотрим, что он скажет в темнице.

Вечером Лаура встретила с любимым и все рассказала ему.

— Каймет, берегись, князь решил изловить тебя и посадить в темницу. А оттуда никто еще живым не выходил.

Каймет решил ехать в горы к абрекам. Он взял ружье, саблю и кое-какие пожитки.

— Береги себя, Каймет! — крикнула вдогонку Лаура.

— Жди меня, я скоро вернусь! — махнул на прощанье саблей джигит и скрылся в лесу.

По вечерам Лаура незаметно пробиралась в заветное место и ждала, когда появится любимый. Вздрагивала при каждом шорохе, хватаясь за схаджас — маленький кинжал, который носила в рукаве. И предвкушала радость встречи с Кайметом.

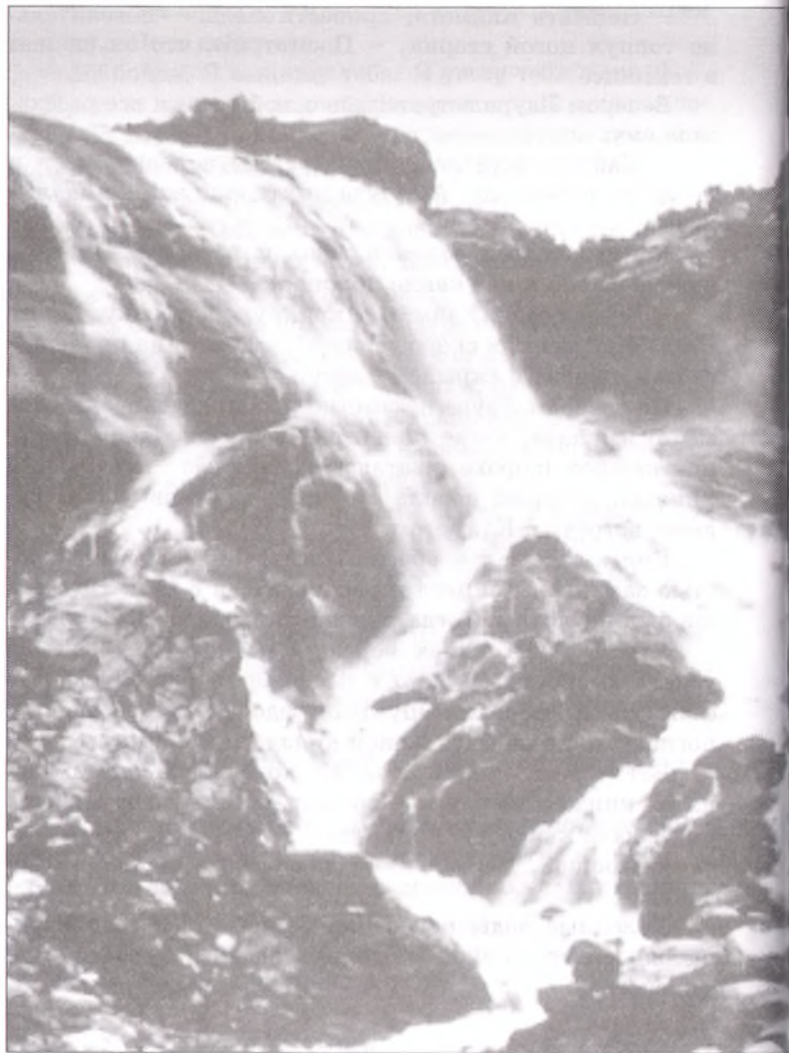
Князь засылал к абрекам лазутчика, чтобы хитростью заманить Каймета и расправиться с ним. Но юноша был неуловим. Тогда князь решил украсть Лауру.

Утром слуги князя ворвались в дом Лауры. Она успела выскочить в окно и побежала к реке, туда, где с высоты низвергался шумный водопад. Лаура решила погибнуть, но не быть женой князя, нелюбимого.

Вот и утес. Рядом клокочет водопад. По пятам гонятся княжеские слуги — вот-вот они настигнут. Лаура подбежала к обрыву, крикнула:

— Прощай, Каймет! — и бросилась в бурлящий водопад.

Холодные воды поглотили бездыханное тело. Прощальные слова Лауры по горным ущельям долетели до суженого.

Каймет и его друзья прискакали на быстрых конях к водопаду. Но опоздали. В скорби склонили свои головы.

Что это?! Чудо! Там, где раньше была сухая скала, капля за каплей сочилась чистая, как слеза, вода. То плакали горы. Каймет и его друзья помчались к замку князя. Они не могли простить князю страшного злодеяния. Он был убит, а замок сожжен. Водопад с тех пор стали называть «Слезы Лауры».

Скала слез

Недалеко к северо-западу от Туапсе на берегу Черного моря возвышается гладко отполированная скала. Когда море спокойно, смотрит она в лазурные воды и любит свое отражение. Но чаще на скалу налетают волны, шумно разбиваются на брызги и откатываются, удаляясь от нее.

Когда-то, в далекие времена, в этих местах жил богатый, храбрый и всеми уважаемый князь из племени шапсугов. Его владения тянулись по берегу Черного моря и простирались за пределы горного перевала. Но ни богатства, ни частые гости не радовали князя — не было у него детей.

— Кому достанутся все эти сокровища? — все чаще задумывался князь.

По совету друзей князь женился второй раз — первая жена давно умерла.

Молодая жена родила дочь. В радости князь назвал ее Гафизой, что значит «Богом данная». Росла девочка веселой, беззаботной, ласковой. Отец и мать не могли нарадоваться, глядя на забавы своей дочери. Они лелеяли ее, ничего не жалели для любимого дитяти. Гафизу нежно и заботливо окружали верные милые подружки.

— Какая красавица и умница у меня растет! — часто хвалился князь своим гостям.

Те согласно качали головами, думая про себя: «А у какого отца бывает плоха маленькая дочка?»

А время шло. Князю казалось, что оно катится так же быстро, как брошенное под гору колесо. Не заметил подступившую старость. Голову посеребрила седина. Старческие болезни одолевали князя; прихрамывая, он ходил медленно.

Любимая дочь незаметно стала совсем взрослой и очень красивой. При взгляде на Гафизу блестели радостью глаза отца.

— Не зря прожил жизнь! — говорил князь гостям. — Есть наследница.

Все чаще стали навещать к нему отважные джигиты. Каждому хотелось взять в жены Гафизу. Многие засылали сватов. Одни предлагали ей свою славу, добытую в боях с врагами, другие свои богатства, третьи — казачью удаль. Но разборчивая невеста всем отказывала.

Князь чувствовал, что здоровье его ухудшается.

— Видно, недолго мне осталось жить, — жаловался он своему лекарю. Тот, как мог, успокаивал его, но князь все же решил срочно выдать дочь замуж, чтобы увидеть продолжателя своих дел.

Поскакали гонцы по окрестным селениям с требованием: пусть явятся в указанное время и указанное место самые сильные, самые смелые и ловкие юноши. Будет состязание. Победитель получит руку и сердце дочери князя вместе с его богатством.

В назначенный день отважные джигиты гарцевали на стройных скакунах перед окнами дворца в надежде

увидеть прекрасную Гафизу. Они знали: княжна скрывается за шторами одного из окон дворца и наблюдает за всем, что происходит на поляне соревнований.

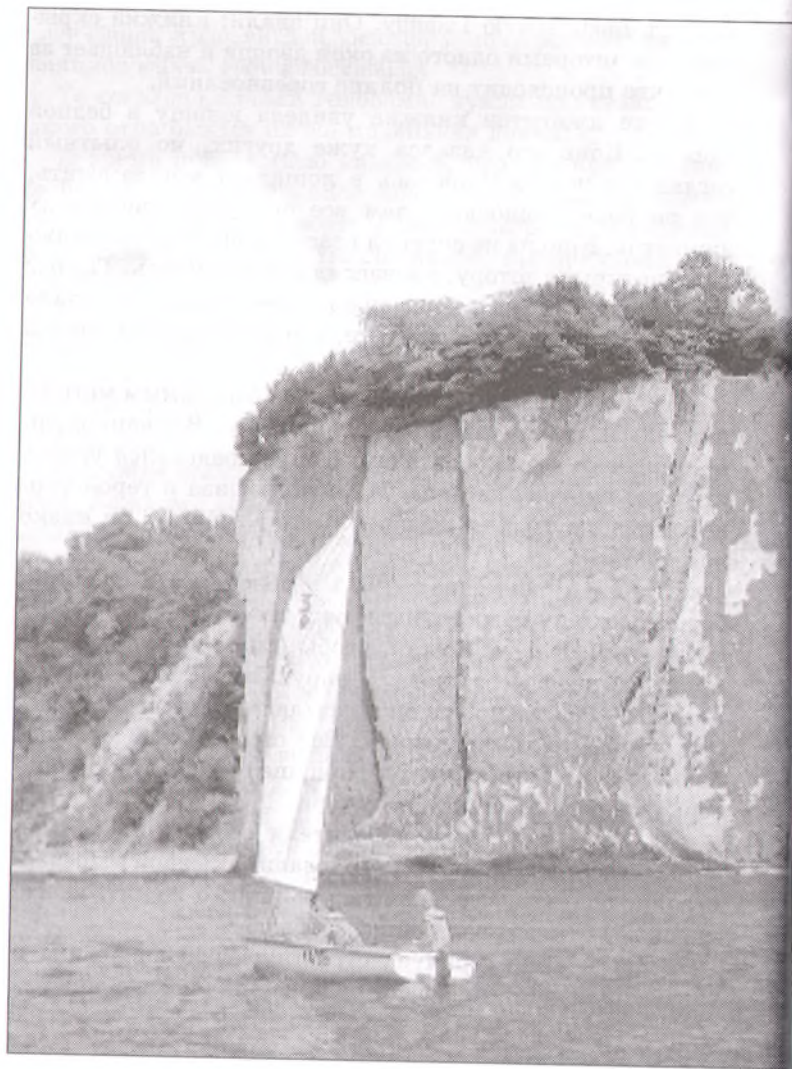
Среди джигитов княжна увидела юношу в бедной одежде. Конь его казался хуже других, но опытный взгляд (Гафиза разбиралась в лошадях) мог заметить, что он более вынослив, чем все скакуны прибывших джигитов. Юноша не спускал глаз с окон. И когда княжна приоткрыла штору, их взгляды встретились. Гафиза вздрогнула. Взгляд юноши пронзил ее сердце. Она стала думать только об этом джигите, наблюдая за ним, желая успехов в состязаниях.

Избранник Гафизы побеждал. Он был самым метким в стрельбе, самым ловким в джигитовке. Все единодушно признали его победителем. Юноша радовался успеху и жадно смотрел на окна. И вновь Гафиза и герой увидели друг друга. Она подарила ему улыбку, а он низко поклонился.

Старый князь, однако, был недоволен. Он считал бедного юношу недостойным руки своей дочери и решил избавиться от него, но так, чтобы никто не обвинил его в нарушении своего слова, в нарушении обычаев своих предков. Несколько раз он подсылал подкупленных людей, чтобы те убили юношу. Все они погибли от руки ловкого и смелого джигита. Но нашел князь другой способ... Хитрый совет дал он дочери.

Аслан — так звали победителя состязаний — стал встречаться с княжной. Они радовались каждой встрече — играли, болтали, веселились, говорили о женитьбе. Но князь все откладывал день свадьбы.

Гафиза, видя горячую, страстную любовь Аслана и влюбленная сама, по совету отца решила все же еще раз

испытать силу его любви. При очередной встрече она сказала любимому:

— Завтра вечером приезжай на скалу. Найдешь меня по огоньку светильника.

Аслану казалось, что время ползет, словно черепаха. Наконец-то погасла вечерняя заря, зажглись бесчисленные звезды на темно-синем небе.

Тихо напевая, ехал Аслан по лесной тропинке к условленному месту. Вот впереди мелькнул огонек, за ним другой... Это пролетели светлячки, как искры, то вспыхивая, то угасая.

Аслан привязал коня к дереву, стал обходить все известные, дорогие ему места. Вот здесь они укрывались в ненастную ночь, здесь любовались луной. А где же огонек? Тревожная мысль кольнула сердце. Не случилось ли что с княжной? А может, обманула? Этого не могло быть. Тогда что же? Озадаченный юноша пошел к обрыву скалы. Внизу, у берега моря, Аслан увидел слабый, мерцающий огонек. Он манил и звал к себе.

— Вот ты где, моя любимая! — чуть не крикнул джигит. — Ведь она говорила: где огонек, там и она. Это горит огонь любви!

Аслан спустился по крутой тропе к морю. И тут с удивлением заметил, что огонек удаляется в море. Понял джигит: любимая хочет испытать силу его любви. Аслан бросился вплавь догонять мерцающий огонек.

Ветер крепчал. Стонало море, разбивая волны о скалы. Небольшой плот с укрепленным светильником, сделанным по приказанию князя, угоняло все дальше в тревожную темноту.

— Какой ты сильный, смелый! Люблю тебя, дорогой, — шептала Гафиза, наблюдая за огоньком.

Аслан продолжал плыть, догоняя плот с мерцающим огоньком. Силы начали покидать его. Чувствуя, что тонет, воскликнул:

— Гафиза, жизнь моя! Я люблю тебя! Люблю... Люблю... — разнеслись его слова, как гром, заглушая стон разбушевавшегося моря. С грохотом и ревом черные волны, гонимые сильным ветром, поглотили огонек и храброго Аслана.

Гафиза услышала слова любимого и поняла, что он погиб. Стала кричать, звать на помощь. На отчаянные крики княжны прибежали слуги. Посочувствовали ее великому горю. А вскоре о джигите забыли...

Каждый день приходила Гафиза к скале. Задумчиво и печально смотрела на безбрежную гладь моря. Боль терзала сердце гордой красавицы. Горькие слезы струились из ее темных глаз. Тридцать три дня плакала Гафиза, сидя над обрывом. Знала она, что виноват был в смерти Аслана ее жестокий отец.

Не выдержав мучения, отчаявшись, бросилась Гафиза со скалы. Раздался всплеск, морские волны приняли ее в свои объятия.

С тех пор скалу стали называть Скалой слез. Рядом с ней находится Бриллиантовое ущелье. Там, по преданию, схоронил свои сокровища старый князь.

Скала слез известна еще как скала Киселева — природная достопримечательность на берегу Черного моря, между устьем реки Агой и мысом Кодош. Названа по имени академика, художника, профессора живописи художественного училища при Академии художеств в Петербурге А. А. Киселева, часто отдыхавшего в Туапсе, впервые нарисовавшего скалу и показавшего ее красоту на выставках передвижников в начале XX века.

Белая, Дах, Грузиабго

На высокой горе издалека был виден замок. Стены его толстые, такие толстые — разведешь руками, все равно шире! Ворота железные, тяжелые, такие тяжелые — стража с трудом открывала. Подъемный мост переброшен через глубокий ров, наполненный водой. Замок днем и ночью охраняли нукеры. Жил в этом замке адыгейский князь Дах.

Князь Дах был лет сорока, строен, полон сил. Черные кудри еще не тронула седина, карие пронзительные глаза смотрели строго. Тонкие губы редко улыбались.

Дурная слава о нем и его матери — сварливой, злобной Физиабго — давно разносилась по земле адыгов. Дах был строгим, жестоким, безжалостным человеком. Безвинные люди нередко томились в подвалах мрачного замка. Разбоем занимался князь.

Однажды ватага нукеров во главе со своим предводителем напала на грузинское селение. Тащили овец, свиней, кур, разную утварь. Рыдания и проклятия раздавались вокруг. С большой добычей возвращались грабители домой.

Когда князь Дах собрался покидать горящее, разоренное селение, перед ним появился седой старик с котомкой за плечами.

— Стой! — крикнул старик и поднял руки.

— Кто ты такой, что смеешь останавливать меня? — раздраженно спросил князь.

— Я — пастух! А ты — убийца и вор! Бог покарает тебя! — старик с поднятыми руками обратил взор к небу.

— Прочь с дороги! Уберите его!

Слуги Даха схватили старика за руки и оттащили.

— Отец! — раздался душераздирающий крик.

К старцу бросилась внезапно появившаяся девушка. Нукер ударил ее плетью и толкнул. Она упала, но быстро вскочила и подбежала к князю.

Девушка была удивительной красоты. Стройный стан облегало длинное, уже изрядно поношенное платье. Черные косы прикрывали пышную грудь.

— Отпустите отца, господин! Отпустите!

Ее огромные карие глаза умоляюще смотрели на князя. Что-то неизвестное до сих пор защемило в его сердце.

— Связать ее — и в замок! — распорядился Дах.

Девушку схватили грубые руки слуг.

— Оставьте дочь — изверги! — обезумевший от горя старик пытался вырваться. — Бандиты, отпустите дочь!

Ее связали и усадили в седло.

— Заткните старику рот! — Дах вскочил на коня. — Возвращаемся в замок!

Нукер взмахнул саблей. С рассеченной головой, обливаясь кровью, упал отец девушки. Оцепенев от ужаса, она потеряла сознание.

Пришла в себя вечером, на берегу небольшой речушки. Рядом пылал костер, вокруг которого сидели всадники, оживленно о чем-то говорили.

Пленница лежала на траве, укрытая буркой. Попыталась освободиться от веревки, но не смогла. Как сквозь туман, вновь увидела гибель отца, и она снова лишилась чувств.

На второй день пленницу доставили в замок, в комнату князя. Красота девушки поразила хозяина.

— Как тебя зовут, красавица? — с затаенным чувством спросил Дах.

— Белла, — жгучие глаза яростно смотрели на хозяина.

— Белла. Красивое имя у красивой пленницы, — восторженно сказал Дах. — Ты не будешь пленницей больше. Ты будешь моей женой. — На его суровом лице мелькнула, как молния, улыбка.

— Никогда! — глаза ее гневно сверкали. — Ты убил моего отца!

— Убил его мой слуга, — произнес Дах. — Из замка тебе не убежать. Поживи. Подумай о своем положении. Через несколько дней я приду за ответом.

Беллу поместили в комнату, уставленную дорогой мебелью, украшенную картинами и шкурами диких зверей. Служанки принесли невиданные наряды, дорогие украшения. Белла на них даже не взглянула. Не притонулась и к изысканным яствам.

Служанки были добры и внимательны, угождали пленнице. Вместе они гуляли по замку и в его окрестностях. Белла постепенно привыкала к новой роскошной жизни. Но ненависть к жестокому князю не утихла. Любовь нельзя купить. Она ждала удобного случая, чтобы отомстить за смерть отца. Мысль о справедливой мести зрела у нее в голове.

Однажды в комнату пленницы внесли зажаренного на костре молодого барашка.

— А чем же резать? — спросила Белла.

— Кинжалом... — служанка с поклоном подала грезинке позолоченную тарелку, на которой при слабом дневном свете тускло блестело лезвие кинжала.

После трапезы, надев белое шелковое платье, Белла направилась в покои князя. Стража ее пропустила. Увидев Беллу нарядно одетой, князь воскликнул:

— Прекрасно! Ты согласилась быть женой князя?

— Да! — Белла медленно приближалась к хозяину. Он развел руки для объятия и... рухнул от удара прямо в сердце. Упал, как скошенный колючий репей, когда косарю не жалко сорной травы.

Белла, сохраняя спокойствие, торопливо вышла из комнаты. У крыльца стоял княжеский вороной. Птицей взлетела она в седло. Конь рысцей направился к воротам. Стража пропустила девушку. Она уже не один раз выезжала с князем на прогулку. Покинув замок, Белла помчалась в сторону леса.

— Князь убит! — разнесся крик стражников.

За Беллой бросилась погоня. На взмыленном вороном пленница уходила от преследователей, которые приближались с каждой минутой.

Впереди показалась река, обрывистый берег. Белла ударила коня. Он метнулся, пытаясь перескочить реку, но, не тронув копытами другой берег, рухнул в воду.

Стражи князя, пораженные поступком девушки, вернулись в замок. Тело гордой, непокорной Беллы река выбросила на берег недалеко от места гибели. Абадзехи похоронили утопленницу на берегу. Именем девушки назвали реку. Значительно позже, когда пришли в эти места русские, стали называть ее Белой.

Князя предали земле на берегу другой горной реки. Как она называлась в ту пору, никто не помнит. Сейчас ее именуют Дах.

А что же стало с матерью князя? Умерла сварливая Физиабго. По ее желанию успокоение она получила на горе, которая и поныне носит имя старой княгини.

Мамедово ущелье

В давние времена недалеко от ущелья, на берегу горной реки, стоял аул. Жили здесь адыги. Это были мирные, трудолюбивые люди, никому не угрожали. Разводили домашний скот, выращивали фруктовые сады, охотились на лесных зверей, ловили рыбу.

Проходили столетия, все труднее становилось жить: то одни, то другие завоеватели вторгались в их земли. Защищая родные места, воинственными становились адыги.

...Жители аула, вместе с другими племенами, вели кровопролитную войну с турками. Гибли лучшие воины адыгов. Из-за разобщенности и малочисленности, несмотря на храбрость, они не могли победить врага. Настало время покинуть обжитые, родные места на берегу теплого Черного моря. Уходили выше, в горы, чтобы сохраниться, не стать рабами. Они надеялись, что враг не дойдет туда, не покорит их.

В священной роще, рядом с аулом, там, где обычно принимались важные решения, собрались горцы.

— Что будем делать? — спросил едва державшийся на ногах от потери крови предводитель отряда.

— Сражаться с врагом. Лучше умереть в бою, чем жить на коленях, — ответили люди.

— Мамед, а ты что скажешь?

Все ждали, что скажет Мамед, самый уважаемый, мудрый человек в ауле. Он был стар, но крепок, словно вековой дуб.

— Умереть не дело, — сказал Мамед. — Нужно победить! Есть у меня одна задумка...

И мудрый старик изложил план, простой и дерзкий. Раздавались одобрительные голоса. Молчал лишь Ахмед, давно завидовавший славе Мамеда. Человек всегда плохо говорит о том, кому он завидует. С юности

черной змеей лежала у него на сердце ненависть. Мамед побеждал его во всех играх и состязаниях. Да и в жены взял девушку, которую любил Ахмед. Долго ждал он момента, чтобы свести с соперником старые счеты. Зависть и клевета живут вместе. Наступал удобный случай.

— Посмотрим, как ты разобьешь врага, — прошептал Ахмед. Зная все планы Мамеда, он решил передать их туркам, а за это получить вознаграждение.

...Медленно наступила ночь, аул утонул в серой мгле. Озираясь по сторонам, Ахмед, словно шакал, украдкой выбрался из аула. Шел быстро, пугаясь даже шороха листьев. Зная турецкий язык, он легко прошел мимо часовых и достиг шатра предводителя.

Переговоры длились недолго. На прощание паша сказал:

— Обманешь — под землей найдем! Поможешь — наградим! Жизнь и доверие теряют только один раз.

Услужливо, низко кланяясь, Ахмед пятился к выходу. Скоро он растворился в ночной темноте.

Весь день жители аула прятали в ущелье домашние вещи, утварь и дорогие предметы; в горы угоняли скот.

Наутро небольшой отряд джигитов должен был завязать с противником перестрелку, а затем, отступая, заманить в засаду.

— А где же Ахмед? — поинтересовался Мамед.

Никто не смог ему ответить. Мамед еще вчера заметил что-то странное в поведении Ахмеда, и недоброе заподозрил старик. Теперь он был уверен в предательстве.

Наступило утро. Ярко сияло солнце. В лесу на разные голоса заливались птицы. Дул легкий ветер с моря.

— Идут! — крикнул наблюдатель.

Турецкое войско приближалось. Впереди, рядом с пашой, шел Ахмед.

— Ахмед предал нас! Заманите турок, а с изменником я разделаюсь! — Мамед снял ружье с плеча и спрятался за густыми кустами.

Джигиты неожиданно появились перед турками, сделали залп из ружей и быстро скрылись. В погоню за адыгами бросился отряд противника.

— Ахмед! — окликнул Мамед, когда предатель поравнялся с ним. Тот испуганно повернулся на голос.

— Изменник, получай! — Мамед выстрелил в грудь предателю. — Собаке — собачья смерть!

Мамед пришпорил коня. Он успел заметить, как, неуклюже взмахнув руками, Ахмед стал сползать с коня.

За Мамедом гнались турки. Временами он поворачивался и отстреливался. Турки не отвечали. «Решили взять живым», — подумал Мамед. Конь его летел стрелой, но враги не отставали. «Лучше смерть, чем плен»... Вдруг конь споткнулся, всадник перелетел через его голову, ударился о камень и растянулся на земле без чувств. Очнувшись, Мамед не сразу понял, где он: вокруг стояли чужие вооруженные люди.

Обидно, горько стало Мамеду. Его мучила боль — не тела, а души. «Глупо попался. Ничего я им не скажу», — думал сокрушенный пленник. Горца резко подняли.

— Куда ушли жители? Где спрятаны ценности? — спросил предводитель вражеского войска.

Незнакомец спрашивал на адыгейском языке и знал о сокровищах. Мамед понял: Ахмед все им рассказал. Предал...

— Не знаю... — Мамед смело посмотрел в глаза врагу.

— Палач, заставь его вспомнить! — ехидно усмехнулся повелитель.

Мамеда били, кололи кинжалом, на лбу поставили клеймо раба. Но он по-прежнему повторял: «Ничего не знаю...» Потом стали выдергивать ногти из пальцев рук. От ужасной боли темнело в глазах. Тогда Мамед решил: «Зачем погибать одному, я еще повоюю...»

— Все скажу... все скажу, — услышали турки тихий голос пленника.

— Давно бы так! — обрадовался паша. — Обмыть, перевязать, пусть отдохнет. Потом продолжим беседу.

Поутру следующего дня войско неприятеля двинулось за Мамедом. Он шел спокойно, уверенно, чувствуя поддержку родной земли. Вот и ущелье. Меж высоких скал вьется змейкой узкий проход. Войско неприятеля растянулось в длинную цепь. Один поворот сменялся другим. Долго блуждали в горах турки, переходили из одного ущелья в другое. Но не было видно ни адыгов, ни овечьих отар, ни спрятанных сокровищ. Паша заволновался, стал угрожать Мамеду. Снова двинулись в путь.

— Вот пещера! Здесь все наше богатство! — И Мамед первым вошел под свод. За ним — завоеватели.

Чем дальше шли по пещере, тем становилось темнее. По требованию паши зажгли факелы. Под скачущим светом мелькали какие-то рисунки на стенах пещеры, поблескивали скальные наросты, свешивавшиеся с потолка. Там, где пещера раздваивалась, Мамед остановился.

— Вот наши сокровища!

На стенах пещеры висело оружие, на полу стояли глиняные кувшины, сундуки, лежали тюки. Завоеватели бросились к драгоценностям. Им было не до Мамеда. Жадность всегда губит человека.

Мамед выхватил из рук врага факел — и швырнул его в соседнюю пещеру, где стояли бочки с порохом. Раздался небывалой силы взрыв. Рухнули своды, похоронив под собой поработителей.

Сильный телом победит одного, сильный умом — тысячи. Сила перед разумом преклоняется.

Так погиб старый, мудрый, храбрый Мамед, своей смертью победив врага. С тех незапамятных времен ущелье называется Мамедовым. Из поколения в поколение передается легенда о подвиге джигита.

Мамедово ущелье и живописная долина реки Куапсе расположены в двух километрах от поселка Лазаревского. В наши дни в ущелье часто заходят туристы. И даже самых бывалых приводит в восторг красота здешних мест.

Бухта Инал

Давным-давно жили по соседству два горских племени. В одном вождем был князь Инал, в другом — Агой. Между этими племенами шла кровная вражда. Когда и отчего она началась, никто не помнит. Но прошли сотни лет, рознь передавалась из поколения в поколение. И казалось, не будет этому конца. Никто не хотел первым протянуть руку дружбы и позабыть все прошлое. «Как! Обидеть память предков?! Нет!» И снова люди племени Инала охотились за людьми племени Агоя. А злые, расчетливые соседи пользовались этим, нападая то на одно, то на другое племя, обескровливая их.

У князя Инала была дочь Джубга. У Агоя — сын Агрий. Слава о разумности и красоте Джубги разнеслась

далеко по побережью моря, перелетела высокие горы в снеговых папахах, ходила по широким степям.

С дорогими подарками ехали к Иналу сваты. Молодые джигиты пытались увидеть чудесную красавицу. Но Джубга старалась как можно меньше показываться на глаза людям. А это еще более волновало сердца, возбуждало у джигитов страстное желание увидеть невесту. Те, кому посчастливилось повстречаться с Джубгой, рассказывали о ней легенды.

Неравнодушен к славе Джубги был и Агрый, сын Агоя. Но кровная вражда не позволяла и думать о том, чтобы открыто приехать к князю.

Красив был Агрый, что и говорить! Высокий, стройный, смел, как горный орел, быстр, как степной ветер. Лазил по скалам не хуже горного тура. Охотник отличный — без промаха попадал белке в глаз, убивал на лету любую птицу.

Однажды Агрый взял лук, стрелы, кинжал и отправился к владениям князя Инала. Никто не знал, куда и зачем он пошел. Только своему лучшему другу поведал обо всем задуманном.

Тихо пробирался звериными тропами Агрый. Не треснет ветка под его ногами, не зашевелится куст, даже чуткие птицы не поднимали тревоги. Долго прокрадывался между деревьями Агрый. Наконец добрался до Золотой скалы. Он знал, что у подножия этой скалы часто купалась Джубга. Решил он, рискуя жизнью, проверить слухи о ее неземной красоте.

Агрый притаился за кустами можжевельника. Ждать пришлось недолго: шла к морской воде Джубга. О, эти большие карие глаза — как звезды в холодную зимнюю ночь! Нежный румянец на щеках, похожий на цвет ши-

повника; толстые, цвета воронова крыла косы обвиты вокруг головы. Агрый не мог отвести взор от девушки.

Джубга сбросила легкую одежду на мелкие камни у берега, где плескались волны. Она быстро вошла в море, окунулась, омыла лицо.

Забилось сердце джигита. Словно ящерица, скользнул он по отполированной гальке, схватил одежду купальщицы и скрылся.

Долго плавала Джубга, рассекая морскую гладь; брызги серебром вспыхивали под лучами яркого солнца. Наконец она вышла на берег, вскрикнула от испуга и снова бросилась в воду.

— Верни мою одежду! — громко и властно потребовала Джубга. — Если ты молод и красив, будешь милым моим! Если стар — получишь выкуп!

— Что ж, не обмани только! Возьми! — И Агрый бросил из-за куста одеяние.

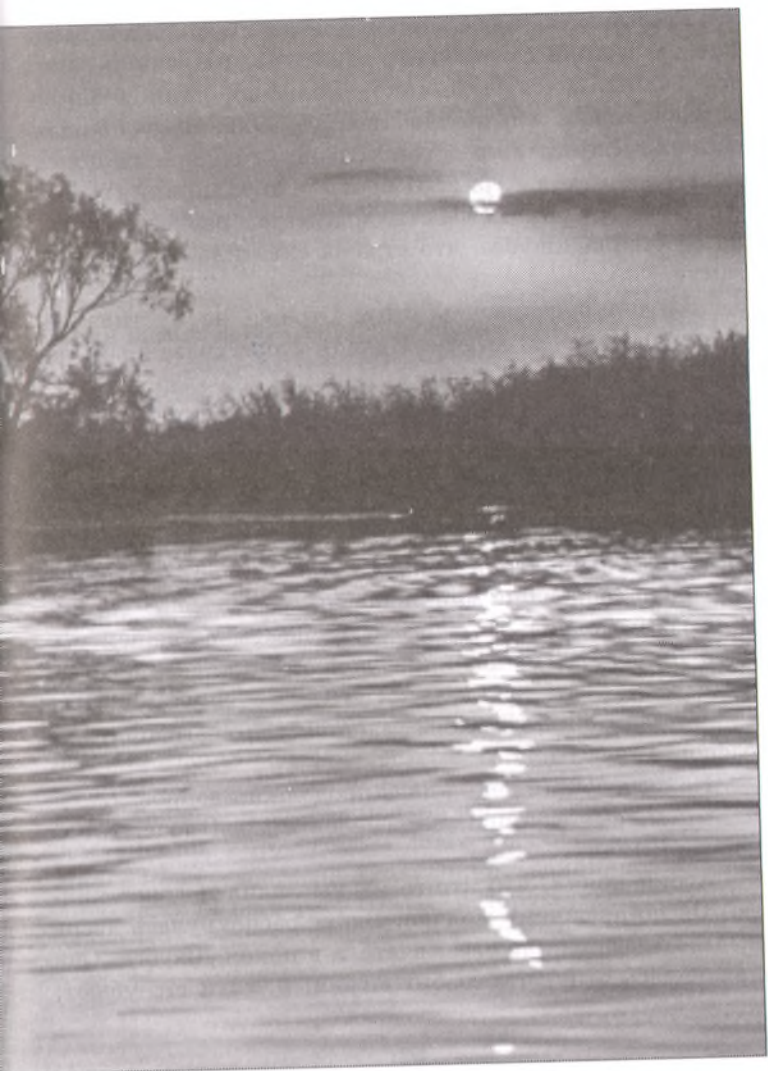
Джубга вышла, оделась. К ней подошел Агрый. Взглянули друг на друга и поняли, что с этой минуты не смогут они жить один без другого. Долго, забыв обо всем, говорили они, перебивая друг друга. Агрый, поведав о себе, сказал красавице:

— Теперь моя судьба в твоих руках. Ты можешь крикнуть — и слуги схватят меня. Могут и убить, ведь наши племена враждуют.

— Не говори так! Разве мы виноваты в том, что наши сородичи напрасно льют свою кровь?

— Я уверен, твой отец будет против нашей женитьбы. Давай сбежим, — предложил Агрый.

— Нет, милый! Мы убежим, а вражда лишь усилится, и снова будут убиты безвинные. Нужно, чтобы после нашей свадьбы между племенами настали мир и дружба. Я постараюсь уговорить отца, а ты убеди своего.

Расставаясь, влюбленные договорились чаще быть вместе. Пошли счастливые, радостные встречи у Золотой скалы. Здесь было тихо, безлюдно, лишь звонкие птичьи голоса слышались вокруг. Однажды, ожидая милого, Джубга с тревогой услышала знакомый цокот копыт. Это ехал Агрый. И вдруг — шум, крики, возня, бряцанье оружия! И все стихло... Утром верная служанка сообщила Джубге, что стража схватила Агрия, он в замке.

Джубга бросилась к отцу. Стража не пустила ее. В это время перед князем Иналом стоял связанный, раненный в схватке Агрый.

— Ты кто? — грозно спросил Инал.

— Я Агрый, сын Агоя! — ответил спокойно юноша.

— Так это ты из рода Агоя?

— Да!

— Мой кровный враг!

— Нет. Я никого не убивал.

— Что ты делал в моих владениях?

Агрый молчал. Подумал: «Лучше умереть, чем выдать Джубгу». Ни на какие вопросы джигит не отвечал.

— Уведите в подземелье, заставьте его заговорить, — распорядился Инал.

На следующий день князь продолжил допрос:

— Ты, сын убийцы, встречался с моей дочерью? — спросил Инал.

Агрый понял, что кто-то их выследил и донес князю. Он по-прежнему молчал. Вдруг распахнулась дверь и, взволнованная до слез, влетела в покои Джубга. Она призналась отцу, что любит Агрия, и, если его убьют,

она покончит с собой. Жить без него не сможет. Нахмурившись, отец слушал страстную, умоляющую речь дочери.

Инал знал: упрямица сдержит свое слово. Она была единственной дочерью. Князь ее очень любил.

Вошел вестовой и доложил князю, что вооруженные люди высадились с моря в его владениях и продвигаются к замку. «Без помощи соседей одолеем ли врага?» — подумал князь.

— Отец, будь благоразумен, помирись с Агоем! Его племя поможет нам защитить нашу землю. Если солнце будет не в ладу с землею, разве могут в поле травы зеленеть? Если дружны будем мы с Агоем, разве враги сумеют нас одолеть? — Джубга обняла и поцеловала отца. Отцовское сердце потеплело...

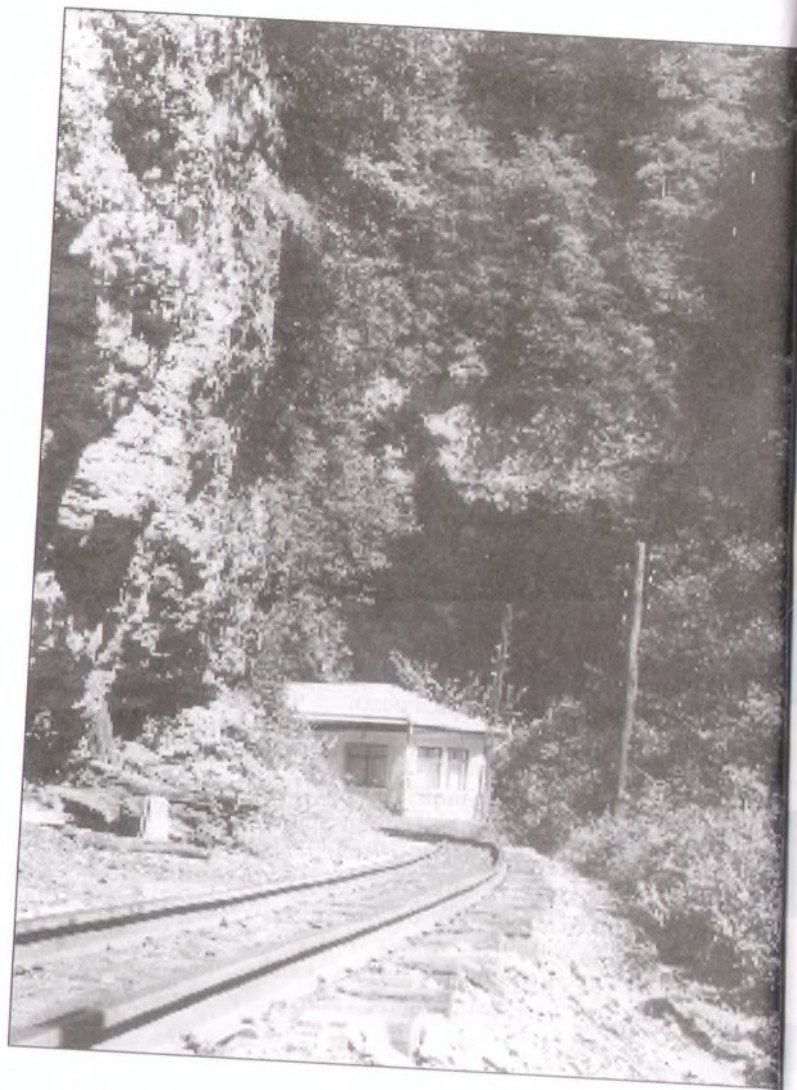
— Пожалуй, ты права, — и князь нежно погладил ее по голове. — Умница ты моя.

Юношу освободили. Он повез своему отцу и соплеменникам предложение о мире, а также просьбу о помощи, чтобы совместными силами уничтожить врагов — пришельцев на их родную землю.

Так Джубге удалось помирить враждующие племена. Объединившись, они разгромили чужеземцев. Особенно отличился в бою Агрий. Его сабля сверкала в самых жарких местах кровавой битвы.

Джубга стала женой Агрия. Горячая любовь победила вражду племен. Воцарился с тех пор на этих землях мир, которого так долго ждали люди племени Инала и люди племени Агоя. Они объединились и счастливо зажили на берегу бухты, которую их потомки называли Инал.

Туапсское ущелье

По уникальному ущелью, расположенному между поселками Мезмай и Гуамка, в Апшеронском районе, мчит свои воды, холодные и чистые, река Курджипс. Здесь живописные скалистые стены до 400 метров высоты, узкоколейная железная дорога, построенная в начале 30-х годов XX века.

Из поколения в поколение адыгейского народа передается легенда об ущелье.

Однажды в жаркий летний день отряды крымских ханов — ставленников турецкого султана — расположились лагерем на берегу реки Белой, недалеко от того места, где находится нынешний город Майкоп.

В палатке хана собрались командиры отрядов. К ним обратился посол турецкого султана с повелением: завоевать огнем и мечом горные аулы, реки и леса, богатые рыбой и дичью, черкесские племена заставить принять мусульманскую веру. А непокорных...

— А непокорных горцев уничтожить, — заявил грозный крымский хан. — Так повелел великий султан. Нам стало известно, кто-то предупредил горцев о нашем посольстве. Они поспешно покинули свои аулы. Завтра с восходом солнца — в поход! Догнать и вернуть их!

Утром пять тысяч янычар двинулись в горы... Прошли день, второй, видели они аулы, но не было ни одной живой души. Со скарбом и домашними животными люди покинули жилища.

Отряд молодых джигитов следил за продвижением турецких войск. В открытый бой не рвались. Мало их, да и вооружены юноши в основном саблями и кинжалами, огнестрельного оружия не было.

Аскер, предводитель отряда, один из самых смелых и ловких джигитов аула, предложил дерзкий план — заманить турок в узкое ущелье, вход и выход завалить валунами, а янычар забросать камнями. План понравился.

На третий день пути турецкие войска расположились на берегу Курджипса, там, где ныне станица Нижегородская. Во время привала по лагерю пронесся крик: «Черкесы!» Увидев всадников на поляне, около опушки леса, янычары открыли огонь. Черкесы тут же скрылись за густыми деревьями. Турки бросились преследовать.

Всадники неустанно появлялись то в одном, то в другом месте, но не вступали в схватку.

На пятый или шестой день, идя по следу конного отряда горцев, янычары подошли к ущелью. На них дохнуло сыростью и резким, пронзительным ветром.

В это время вверху, на скалах, раздался голос какой-то птицы. Ей ответила вторая, третья. В глубине ущелья послышались голоса людей. Янычары шумной лавиной бросились вперед.

Солнце не проникало на дно ущелья, где на большой глубине бурлила река Курджипс, разбивая свои воды о камни, низвергаясь водопадами.

Турецкое войско поспешно втягивалось в ущелье, как удав в свою нору. Пройдя около трех километров, на одном из поворотов турки встретили завал. На вершине скалы раздался крик совы, потом второй, третий. Это был условный сигнал. Со скал в пропасть, на головы янычар, обрушился ливень камней. Вход и выход из ущелья были завалены. В ужасе метались турецкие воины, сталкивая друг друга в кипящие воды реки. Ло-

шади, тащившие пушки, испуганно шарахались. Река уносила их, разбивая о скалы.

Турецкое войско, пытавшееся покорить свободолюбивый черкесский народ, было уничтожено. Весть о великой победе птицей облетела все аулы, горцы вернулись в родные места. Родная земля и в горести мила.

Зазвучали веселые, победные песни.

С тех пор это ущелье называется Гуамским, что по-русски значит «ущелье, где был разбит неприятель».

Источник молодости

Богата земля Кубани минеральными лечебными источниками. Одни излечивают болезни внутренних органов; после других человек бросает костыли и уходит на своих ногах. Есть и такие источники, которые не только излечивают и возвращают утраченные силы, но и дают молодость. Об одном из таких родников рассказывают так.

Жили старик и старуха на берегу речки. Были они очень старые. Детей у них не было.

Жили тем, что обрабатывали огородик возле своей хатенки. Выращивали огурцы, свеклу, чеснок... Осенью собирали в лесу груши, кизил, орехи, сушили, делали запас на зиму. Была коза, такая же старая, как и они сами. Молока у нее давно уже не было. И сама-то — кожа да кости. Старикам было жалко ее. Очень долго она с ними живет. Когда старик выгонял пастись, коза шла и спотыкалась, казалось, вот-вот упадет и не поднимется.

Старик любил ловить рыбу, а в молодости был от-
важным охотником.

— Эх! Пойду-ка я на охоту! — иногда мечтательно говаривал он. — Убью козу или дикого кабана, то-то мы, старуха, заживем!

— Куда тебе! — отвечала жена. — Хоть бы крышу залатал, осенью дожди пойдут.

Старик уже не мог взобраться на крышу. Хотя халупа их была очень низкая.

Однажды весной, когда кругом все зазеленело, ярко и тепло грело солнце, старик почувствовал себя немного бодрее.

— Пойду выгоню козу, пусть попасется, — сказал он старухе.

— Иди, разомни косточки, день-то погожий.

Взял старик в руки палку, поплелся следом за козой. Медленно шла коза, пощипывая травку, срывая зеленые листочки с кустов. Но вот коза стала подниматься вдоль ручейка. Сколько раз за свою жизнь проходил здесь старик, но никакого ручья не видел, была сухая балка. И вдруг — вода.

«Откуда водица — наша царица?» — подумал старик, продолжая медленно, кряхтя идти следом за козой вверх.

Коза остановилась. Из-под камней пробивался родничок. В запруде вода была светлой, как слеза, и над ней стоял парок.

Коза повертела головой, понюхала свое отражение в воде и начала медленно пить. Старик смотрел на нее и удивлялся: привел он старую костлявую скотинку — а сейчас воду пила стройная козочка с блестящей шерстью. Бросив взгляд на хозяина, она звонко заблеяла и шустро поскакала вниз.

«Что за чудо? Нечистая сила!» — удивленно смотрел старик на убегающую козу.

Он почувствовал слабость и присел у родничка. Ему захотелось пить. С трудом наклонился, утопив усы и бороду, стал пить прохладную родниковую воду.

Пил по чуть-чуть. И с каждым глотком чувствовал себя бодрее. Напившись, легко встал, расправил плечи. Потом быстро присел и поднялся.

— Эх, хорошая водица!

Старик взял палку и, весело насвистывая, пошел искать козу. Долго лазил по кустам и нигде животинку не нашел. Решил идти домой — может, коза уже там?

Когда старик вошел во двор, старуха сидела на пенёчке у хаты.

— Мать! Коза не приходила?

И заметил: старуха смотрит на него подозрительно, прищурившись.

— Молодой человек, о какой козе вы говорите?

Старик изумился.

— Да ты что, старая! Какой я тебе молодой человек? Я твой старик!

И тут он понял: вот почему коза и я помолодели! Мы напились воды из родника — источника молодости.

Он рассказал все, что случилось. Вначале старуха слушала с недоверием, но постепенно убедилась, что перед ней стоит, улыбаясь, ее помолодевший муж.

— Где же источник? — поспешно спросила она. — Я тоже хочу помолодеть!

— Пойдем, я покажу.

Взял жену под руку и повел к чудесному месту. Ему казалось, что идет она очень медленно. Наконец они подошли к роднику.

— Вот живая водица — наша царица! Пей!

Молодыми и веселыми вернулись они домой. Зажили счастливо и радостно: появились у них дети.

А легенда об источнике молодости передается до сих пор.

Разрытые курганы

На хуторе, затерявшемся в предгорьях Кавказа, жил бедный крестьянин с женой. У них было два сына. Все трудились по хозяйству: выращивали овощи, собирали лесные фрукты, ягоды, занимались охотой. Но сколько ни старались, разбогатеть не могли. А крестьянин мечтал хотя бы на старости лет пожить в свое удовольствие.

В один из дождливых осенних вечеров в хату к ним зашел промокший, усталый путник. Хозяйка пригласила к очагу, чтобы гость согрелся, подсушил одежду. Угостила чем бог послал.

— Всякие тут шатаются... Корми их. Самим есть нечего, — бурчал старик, слезая с печки.

— Хозяин-то злой, негостеприимный. А вот супруга добрая, душевная и заботливая. За то, что она меня обогрела и накормила, помогу вам разбогатеть. А живете, вижу я, бедно.

— А как разбогатеть, мил человек? — обрадовался старик, усаживаясь рядом.

— Вот слушай. В горах, недалеко от вашего хутора, есть курганы. В них хранятся несметные богатства. Они там лежат сотни лет. Вы можете вместе с сыновьями достать их. Я покажу, где курганы находятся. Но только не берите больше, чем нужно.

— А себе возьмете? — поинтересовалась хозяйка.

— Нет. Мне уже ничего не нужно. Буду рад, если богатство сделает вас счастливыми.

Рано утром, захватив лопаты, сумки, старик и сыновья отправились вслед за гостем.

Дождь прекратился, серые тучи низко висели над землей, медленно двигаясь на восток.

К концу дня вышли из лесу на плоскогорье. Поднялись на гребень высокой горы. Путник остановился и показал рукой:

— Вот перед вами шесть курганов! В каждом есть клад. Но вы ройте только первый, третий и пятый.

— А остальные? — поспешно спросил старший сын.

— Много захочешь — последнее потеряешь, — ответил путник и добавил: — Я покидаю вас, спешу по своим делам.

— Спасибо тебе, добрый человек. Дай бог тебе здоровья на многие лета, — старик низко поклонился вслед уходившему путнику. — Ну что, сынки, начнем раскапывать?

— Отец, мы устали. Уже темнеет. Утро вечера мудренее, — и старший сын растянулся рядом с огромным камнем.

— Брат дело говорит. С восходом солнца каждый возьмет по кургану. Отдыхай, батя, — младший сын тут же на траве лег, подложив под голову свернутую сумку.

— Вы как хотите, а я пойду. Вот разрою курган, увижу клад, тогда и отдохну, — старик взял лопату, мешок и пошел к первому кургану.

Тьма опустилась на землю. Всю ночь слышен был скрежет лопаты. Утром сыновья увидели разрытый курган.

— Сынки, смотрите, какое богатство! — отец сгребал золотые предметы в мешок. — Идите к третьему и пятому.

Сыновья обрадовались и поспешили к курганам. Роют день, роют другой, а сокровищ нет.

— Батя, путник обманул. В этих курганах одни камни, — с огорчением сказал старший сын, вытирая пот с лица. — Батя, твое золото будем делить на всех.

— Говорила Настья, як удасться, — отец завязал мешок и попытался поднять. — Тяжеловато. За остальным завтра придем.

Только к вечеру третьего дня сыновья обнаружили ящички с золотыми монетами и различными украшениями. С большим восторгом и радостью рассматривали драгоценности и торопливо наполняли сумки. Руки загибающиеся, глаза завидующие.

Вечером грелись у костра и каждый мечтательно рассказывал, когда и что будет покупать.

Уставший отец быстро уснул. Старший сын задумал недоброе. Прилег рядом с братом и стал нашептывать: «Давай батю бросим в реку, а его золото разделим поровну. Зачем золото старому и больному? Ему уже на тот свет пора. А у нас с тобой — вся жизнь еще впереди... Мамане скажем, сорвался с горы, речка унесла».

Молчание оробевшего брата посчитал за одобрение его предложения. Скупому душа дешевле гроша. Жажда разбогатеть затмила разум и совесть детей. Они сбросили отца в ущелье, где бурлила и клокотала река Цеце.

В этот же час содрогнулась, закачалась земля, раздалась раскаты грома. Засверкали молнии. Черные тучи накрыли плоскогорье, и обрушился ливень.

Природа негодовала, возмущенная страшным преступлением, которое совершили сыновья.

После ливня с жадностью бросились они делить драгоценности. Старший потребовал, чтобы ему досталась большая часть, по старшинству. Младший брат требовал разделить поровну. Дошло до драки. Разъяренный старший брат поднял младшего и сбросил со скалы в бурный поток реки.

И снова черные тучи окутали вершины гор, засверкали молнии, сопровождаемые раскатами грома. Вихрь стал вырывать деревья с корнями. С жутким воем подхватил сумки и потащил к обрыву.

— Мое! Куда тащишь?! — обезумев, кричит старшой, стараясь удержать драгоценности. Дикий его крик уто-

нул в разрывах грома и грохоте падающих камней. Ураган подхватил старшего брата и швырнул его вместе с сумками в пропасть.

Чрезмерное богатство всегда порождает жадность. Чем человек богаче, тем скупее. А в народе говорят: жадность – это коррозия души.

Вот такую легенду рассказывают пастухи на Лагонаки, в верховьях реки Цеце. Здесь и донныне видны три разрытых кургана.

Котх и Пшадр

С ребятами детского дома
Немало туристских дорог
Прошел я, и мне знакома
Гудящая песня ног.

В тот раз мы за Краснодаром
С палатками, с рюкзаком,
Покрытые плотным загаром
Вышагивали тихо пешком.

И там, где турбаза «Лесная»,
Под вечер костер развели,
И там старика Лакшукая
К палатке своей привели.

Обветренный горец старый,
Степенный, совсем седой,
Лет сорок бродил с отарой,
Пока еще был молодой.

И все здесь для Лакшукая
Знакомо, как отчий дом:
И каждая тропка лесная,
И каждый ручей знаком.

Сидим у костра, отдыхая,
И вьется беседы нить.
У жителя здешнего края
Охота о всем расспросить:

Откуда пошли названья,
Услышанные окрест,
И есть ли какие преданья
В истории этих мест...

И добрый старик улыбнулся,
Задумчиво глянул на нас,
Из трубки своей затянулся
И начал неспешный рассказ.

* * *

В давние-давние времена
В горах, поросших лесами,
Жили бжедухские племена
Под ясными небесами.

Трудились, детей растили,
Давали отпор врагам,
Плакали и шутили,
Молились своим богам.

В одном из племен в те поры
Красавица Котх росла,
Любила родные горы,
Как утро, была весела.

Любила цветы лесные,
Любила небес простор
И радуги расписные,
Что вспыхивали меж гор.

Котх была очень красива,
Да так, что бессильны слова.
— Не девушка — просто диво, —
Летела о ней молва.

И было парней немало,
Готовых за Котх умереть,
Но девушка их отвергала,
На всех не хотела смотреть.

В одном из племен соседних
Жил Пшаф — молодой джигит,
Красавец, да только из бедных,
Имел он лишь саблю да щит.

Да стройного вороного
Имел тот джигит коня.
Из рода он был простого
И родичам Котх не ровня.

Но род его нам не важен,
Важнее, что ждет впереди,
Он молод был, и отважен,
И с сердцем горячим в груди.

* * *

Однажды он Котх увидел —
И вспыхнула в нем любовь.
Отныне ее лишь он видел
И жаждал увидеть вновь.

И чтоб своего добиться,
Не в силах любовь превозмочь,
К колдунье решил обратиться,
И та обещала помочь.

Вдали от людей в пещере
Нашел он ее жильё.
Должно быть, и дикие звери,
Завидя, пугались ее.

Космата, седа и костлява,
В отрепьях, трезва ли, хмельна.
О ней шла худая слава,
Что знается с чертом она.

Но Пшафа, как мать, повстречала
И, вызнав его беду,
Прийти по весне приказала,
Тогда, мол, я средство найду.

— Ты молвил, что девушка очень
Красивые любит цветы,
Вот мы и дадим ей цветочек
Невиданной красоты.

Клянусь на священном Коране:
Цветок поднесет лишь к лицу —
И сердце ее — на аркане,
И свадьбу играть молодцу.

Обрадован Пшаф обещаньем,
Весну с нетерпеньем ждет!
Наполнен большим ожиданьем,
Он песню любви поет:

– Мне кажется, ты в снежинке,
Слетевшей на губы мне,
Мне кажется, ты в травинке,
Пробившейся по весне.

В журчанье ручья лесного
Мне слышится голос твой.
Под сенью ковра ночного
Я вижу тебя звездой.

В плюще на речном откосе,
Что льнет к шаловливой волне,
Я вижу тугие косы,
Уснувшие на спине!

Я в радугах водопадов
Улыбку твою ловлю,
Но мне не хватает взгляда,
Который сказал бы: «Люблю».

Но вот и весна шагает,
Ручьями сбежали снега.
Джигит вороного седлает,
И в стремени вновь нога.

Колдунья сдержала слово,
Дала небывалый цветок.
Он цвета был голубого,
И каждый сиял лепесток.

Цветок ненаглядно прекрасный
Светился небесным огнем,
Но замысел свой ужасный
Колдунья сокрыла в нем.

Пшаф, тайне цветка доверяя,
Как птица, взметнулся в седло.
Версту за верстой отмеряя,
Под вечер вернулся в село.

В ауле веселье шумело.
Раздвинув широкий круг,
Пшаф к девушке едет смело,
И все осветилось вокруг.

Котх цветок тот просит,
У Пшафа берет из рук,
К лицу своему подносит —
И, вскрикнув, ослепла вдруг.

Мужчины насупили брови.
Рука за кинжал взялась.
Отмщение просило крови,
И кровь в ту ночь пролилась.

Отчаяние Пшафа сразило,
В глазах его боль и тоска,
И сердце его пронзила
Кинжалом своя же рука.

Под утро и Котх скончалась.
В слезах ее прах погребен,
Но годы теперь начинались
Враждой двух могучих племен.

И кровь потекла ручьями,
Покоя не стало в горах.
Кинжалами и мечами
Посеяны злоба и страх.

Совсем опустели аулы,
Лишь вдовы да сироты в них.
И белобородые муллы
Богов проклинали своих.

Тогда-то решили боги
Вмешаться в земные дела.
Раздвинули гор отроги —
Меж ними река потекла.

И люди вражду забыли,
И в саклях улыбки цвели,
А прежние страшные были
В легенды и сказки вошли.

Ту речку Псекупсом назвали,
Псекупс — «голубая река».
Ей имя, наверное, дали
По цвету того цветка.

А горы, что слева от речки,
Названы Пшафским хребтом,
Растут на них сосны, как свечки,
В память о юноше том.

И словно проклятье какое
Зарыто в земные пласты:
Еще не бывало такое,
Чтоб кто-то там видел цветы.

Хребет же, что висится справа,
Зовут у нас Котхским давно.
Растут на нем разные травы
И всяких цветов полно.

А там, где пролились слезы
У Котх из ослепших глаз,
Веками в жару и в морозы
Свершается чудо для нас.

Из самых пластов глубинных
И утром, и днем, и в ночи,
Как слезы очей безвинных,
Горячие бьют ключи.

Целебна вода непростая,
И разным болезням назло
Чудесный курорт вырастает,
Где племя когда-то жило.

Теперь это целый город
С названием Горячий Ключ.
Дремали старые горы,
Светила луна меж туч.

* * *

В костре догорали поленья,
Ребята в палатки ушли.
И скоро их сновиденья
В легенду опять увели.

А я, проводив Лакшукая,
Дровишек подбросил в костер
И, пламя его наблюдая,
Впитывал запахи гор.

М. К.

СКАЗАНИЯ

С. А. Медведева

Об авторе

МЕДВЕДЕВА Светлана Афанасьевна – заслуженный учитель РФ, проработала на педагогическом поприще 35 лет, преподавала иностранные языки. Литературой увлекалась с юности, но ее стихи, рассказы и статьи стали появляться в печати с середины 80-х годов прошлого века. Увидели свет восемь поэтических сборников: «Луч души», «Лунная прядь», «Лукошко любви», «Одуванчик», «Суровая нить», «Зеркало судьбы», «Рождественская сказка», «Свет Родины» и более пяти сотен журнальных и газетных публикаций в периодической печати («Иностранные языки в школе», «Кубань», «Кубань и космонавтика», «Подорожник», «Советская Россия», «Кубань сегодня», «Над Кубанью», «Рассвет», «Душа моя», «Литературная Кубань», «Кубанский писатель»).

С. А. Медведева пишет о ветеранах Великой Отечественной войны и людях труда, об исторических событиях. Ею подготовлено и проведено около ста литературно-музыкальных композиций в Доме ученых и инженеров столицы Кубани и в школах Краснодара, сделаны многочисленные переводы песен народов, проживающих в родном крае, написан ряд сказаний, некоторые из них опубликованы в этом сборнике.

Она – дипломант краевых и городских конкурсов «Кубань – моя гордость», «Герой нашего времени», «Люблю Отчизну я...», «Рождественская звезда», «Дорогой мой человек», «Разорванный круг», номинант Международной премии «Филантроп».

Напряженной энергией восприятия окружающего мира проникнуто творчество С. А. Медведевой, которая остро ощущает свою связь с Древней Русью и современностью («Зеркало судьбы»). Трепетно и взволнованно звучат ее теплые, вдохновенные стихотворения о любви. Поэтический всплеск тонкой души поэтессы – «Лукошко любви» – яркий луч в кубанской женской поэзии.

Веселые, познавательные и поучительные строки «Рождественской сказки», прошитые суровой нитью военного времени, не оставляют равнодушными ни детей, ни взрослых, а лирические новеллы наполнены каким-то необыкновенным светом любви к Родине.

Особенностью творческого стиля Светланы Медведевой являются искренность и стремительность выражения чувства, заставившего взяться за перо. Видя каждый свой день как дар и откровение, автор дарит такое же зрение читателю.

С. А. Медведева – член Союза журналистов России, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Кубани. Имеет государственные награды.

Родная река

Рѣка — от «реять» — течь, общего корня со словом «речь»? Речи, речить — рекать (говорить, молвить, сказать), пререкать, предрекать, речистый... От горя за речку — а оно уже стоит на берегу! Почему горе, а — не счастье?

Счастье и любовь! Вот об этом и наш сказ. Если бы древние греки смогли сегодня взглянуть на реку Кубань, то удивились бы не тому, что люди крепкие запруды и плотины большие поставили, не тому, что селения многочисленные по ее берегам понастроили, а тому, что их знакомый Гипанис не туда течет, не в Понт Эвксинский, а в Азовское море. Стада диких лошадей не бродят теперь по прикубанским степям и Лошадиной рекой ее никто не называет. Да и трехметровых осетров редко встретишь в бурливых водах Антикитеса — Осетровой реки.

Купцы-аланы, называя Кубань Широкой рекой, не спорили с арабскими купцами, приезжавшими на реку Кут торговать шкурами (cutis — шкура, кожа).

Великие мореплаватели — итальянцы, видимо, путали остров Кубу с нашей рекой... Кубой и часто называли ее еще Копой из-за камышовых зарослей и озер. (Копы — Куба — Кьобан, Кобань... Кубань). Молодцы славяне звали свою реку просто и ясно: раз горная, бурливая —

Бурлик, раз быстро течет — Быстрик, хотя соседи адыги гордо величали ее Князь-рекой.

Так вот, жил в одном горном ауле сын своих родителей-пастухов смелый Амин. Его красавицы сестры уже давно вышли замуж, а их брат никак не женится. Говорили родители, что род их древний и славный закончиться может: «Где же верность обычаям? Да ведь имя твое означает "верный"!» Амин отшучивался: «Время — терпеливое создание, успею... Слово мое верное!»

Любил Амин по горам и вдоль рек ходить, легенды старые и песни вольные слушать. Еще он травы собирал, загадочные, лечил больных. Говорят, помогало.

Шел он однажды вдоль широкой и бурливой, быстрой, с прохладными водами реки Кубани и рещал, как перебраться на другой степной берег.

Искал и нашел: русло реки суживалось, зачем переплывать — по перекату перейти можно. Река убыстряла в том месте свой бег. Ее волны, толкаясь и перепрыгивая друг через друга и через валуны, бежали вперед, пенистые и своенравные. Камни кое-где были вровень с водным потоком, а чаще прятались под ним. Амин запрыгнул на первый валун и вначале услышал, несмотря на речной шум, небесный девичий голос, а потом увидел на противоположной стороне стройную девушку с двумя темными длинными косами. Незнакомка полоскала белье и пела. Иногда она выпрямлялась, чтобы отжать белье, а потом ударить им о камень, и тогда разноцветные радужные брызги разлетались в разные стороны — и солнечные лучи вплетались в каждую капельку воды.

Амин решительно сделал еще несколько шагов по обтесанным горной рекой камням. Он дошел до середины переката спокойно, изредка покачиваясь, чтобы

удержать равновесие. Следующую треть пути одолел перебежками-перепрыжками и остановился передохнуть. Осталось всего несколько шагов по бурлящей, кипящей воде. И тут взгляд отважного Амина встретился со взглядом незнакомки. На ее лице застыло тревожное ожидание: в этом месте реку переходили очень большие смельчаки, да и то редко. Амин махнул девушке рукой, речной поток толкнул его сильно в ноги, и Амин мгновенно очутился в холодной воде, соскользнув с валуна. Пенные струи заливали лицо юноши, срывали его крепкие руки с каменного уступа, мокрая одежда и котомка тянули вниз по течению, где можно было хорошему пловцу выплыть и добраться до берега. Но Амин медлил... Девушка, увидев это, быстро схватила длинную холстину и бросила один конец юноше. Амин

ухватился за него правой рукой и, опираясь на левую, резким движением взобрался на камень. Он перепрыгнул через короткую протоку и в два прыжка оказался рядом с девушкой. Амин отдал ей конец ткани, поклонился, поблагодарил и спросил, как ее зовут. А когда услышал ответ: «Амина», широко улыбнулся, сложил руки на груди и выдохнул: «Не может быть!» Тут же добавил: «А меня — Амин». Наступила очередь удивляться красавице Амине...

Кубанские старожилы рассказывали, что любовь Амины и Амина была долгой и счастливой. Они дождались не только внуков, но и правнуков, искренне веря, что каждый из них пронесет и дальше по жизни то, что составило основу родительских имен и любви, — верность.

Поручик

Лаба текла уверенно, бурливо,
Над ней шел легких тучек перепляс.
Пришли купаться стайкой говорливой
Черкешенки в погожий летний час.

Они смеялись звонко и плескались,
Забыв про грозный, горный нрав реки.
На берег вышли, но одна осталась
В речной воде, где камни как клинки.
Не стало слез. Застыли в горле крики.
Рванулись руки птицами в полет.
Нет, не взлетели, а бессильно сникли.
Тут кто-то ринулся в водоворот.

Спасенная стояла очи долу.
Безумный страх ее редел, редел.
Поручик стройный, юный и веселый
В лицо и в душу девушки глядел.

Гласит легенда, что через неделю
Герой отпущен из аула был.
Все провожали, кланялись и пели,
Дареный конь копытом землю бил...
Хранят адыги тот поступок смелый
В напевах с незапамятных времен.

Должно быть, героиню звали... Бэлой.
Был рыцарь в детстве Мишей наречен!

Любовь

На дне глубокого ущелья,
Где Гуд-гора с долиной Черта
Соприкасается, росла
Красивой стройною березкой
Дитя – красавица Любовь.
Аул убогий удивлялся,
И в бедной сакле поражались
Купцы, пришедши с караваном.
Все любовались красотой.
Любовь шла по воду – тропинку
Сам Гуд ей сразу выпрямлял.
Любовь плела венки, и Гуд ей
Цветы в горах приберегал...
Считал Любовь своей царицей.
Он властвовал в округе – Гуд.
Любовь любила, но не Гуда,
Был люб ей верный Мирослав,
Сосед душевный, честный, смелый.
И Мирослав любил ее.
Пел песни гор светло, задорно,
С неутомимостью плясал.
Тем прогневил он Гуда очень,
Мук ревности Гуд не сдержал.
И, разъярившись, как безумный,
Он скалы вдребезги дробил
И завалил камнями саклю,
Где у влюбленных праздник шел.
Осколки черного гранита

В долине Чертовой лежат.
И часто слышен гул раскатный —
Большой Гуд плачет по ночам...
Слышны те горестные всхлипы
На берегах Кубани милой,
И эхо мудрых гор Кавказских
Им вторит, вторит каждый раз...

Карасун

Текла река, текла себе, текла. Говорят, где-то в горах родилась, когда горы Кавказские поднялись среди океана Тетис во время последнего тектонического разлома. Бежала река по расщелинам, перепрыгивала через уступы, журчала по камешкам. Горные родники поддерживали ее своими струями. Родники оставались, а река стремилась вперед и вниз. Ее воды перекатывались через большие валуны, сглаживали их края, бурлили у скалистых проемов, оставляя радужные пузыри, и наконец разливались широко и вольготно, выбегая на ровную долину. Горы радовались бегущей реке — она веселила их своими всплесками и звонким пением. Широкими водными рукавами река покрывала и орошала прибрежные земли, и те оживляли округу желтыми одуванчиками, белыми ромашками, розовыми гвоздичками, зелеными всякого рода былинками и травинками под раскидистыми цветущими деревьями и кустами. А как радовались полноводной реке люди и звери! Пили и плыли, полоскали одежду и полоскались, делали плотины и отводы...

В зимние месяцы река подмерзала у берегов иногда, но в середине своей текла то увеличивая скорость, то уменьшая.

Тот год, о котором речь идет, был урожайным. Сама природа, предчувствуя изменения в себе, подарила радости полноводной реке и людям: вызрели овощи и фрукты, зерновые убрать успели. Заготовили сена впрок немало. А когда лето стало уступать дорогу осени, случилось то, к чему горы давно привыкли за столетия, а вот люди, поселившиеся в долине, еще нет. В полдень затянулось небо черными тучами, по земле будто судорога прошла. Земля содрогнулась и раз, и два. Горы ответили гулким эхом камнепада. Животные замесались и завывали. Люди выбежали из своих хатенок с детишками на руках и с ужасом в глазах. На людской памяти такое происходило впервые, а старшие что-то помнили от своих старых родителей, да не больно верили. Земля опять вздрогнула, словно от удара, потом еще и еще. Кое-где даже вздыбилась, словно хотела приблизиться к темному, насупившемуся небосклону.

Вода в родной реке взметнулась при жестких колыханиях земли, пласты которой начали раздвигаться и сдвигаться. Река бросила свои воды в одну сторону, потом в другую, свернулась в крутой поток и стала уходить в глубь земельных разломов, увлекая за собой другие, более мелкие речушки...

Тряхнуло несильно еще пару раз — ураганный ветер пробежал по поверхности, срезая одни холмы и поднимая новые. И вдруг наступила забытая тишина, затаенная, настороженная... Заплакали дети, до этого молчавшие, закричали люди, оглядываясь и ища своих родных. Залаяли собаки, подали голос звери, запищали птицы. Мир ожил. Слава Богу! Небо посветлело, солнечные лучики показались людям особенно яркими и дорогими на еще сером небесном полотне.

Многие строения завалились, где-то крыши съехали, немногие стены остались целыми, изгороди попадали.

Ключи в некоторых колодцах иссякли, словно их и не было никогда. Река обмелела. Появились пролысины на ней. А там, где она рукавами разветвлялась, остались озера. Оба берега большой реки выровнялись. Грязь осела. Вода в озерах почернела. Река и до этого не была кристально чистой, а тут запруды камышом зарастать стали... опустились речные границы, поднялись деревья... Карасун — «черная вода». Так называют болотистую местность...

Милой внучке в третьем классе дед поведал Афанасий, сидя утром на крылечке, про таинственную речку, что оставила озера, и про споры-разговоры: «Карасунский есть, мол, кут — так его теперь зовут. Карасунские озера! Но дозором я их, нет, не обходил, но однажды рядом был...

Карасун и карандаш — родственники, словом. Красен город славный наш. Здесь под теплым кровом ты живешь, поешь, растешь и в день завтрашний идешь...»

Гостинец

Бог слепил человека
сам из глины божественной,
тронул влажное веко,
улыбнулся торжественно.
Человек изумленно
глянул в мир окружающий.
Бог спросил умиленно
с добротой поражающей:
«Что слепить еще надо?
Я слеплю обязательно!»
«...Счастье будет наградой,
буду вечно признательным...»
Человеку Бог глину
протянул, как ваятелю:
«Свое счастье в судьбине
слепишь
самостоятельно!»

Стал раздаривать земли
Бог планетным созданиям,
чтоб в нее сеять семя,
строить храмные здания
на земле, окруженной
волнами океанскими.
Дело было решенным:
горные и лиманские
желтоземы, суглинки,
лес и степи полынные,
и в предгорьях — долины,
и просторы пустынные...
роздал Бог.

Успокоился
и на отдых отправился.
Тут услышал решительный
голос, но и просительный:
«Боже, не удостоился
я земельки по правилам.
Опоздал. Горемычный я,
но к гостям своим добрым был:
бросить их — непривычно мне,
да и Ты не одобрил бы.
Как не быть добродушным
к людям, землю пахавшим?
Ты прости опоздавшего.
Боже, будь благодушным!»

Молвил Бог: «Ты восславил
труд людской по-застольному,
что себе я оставил —
отдаю хлебосольному:
реку — горную, быструю,
черноземы кубанские.
Верю, жизнь любо выстроишь,
Не отдашь басурманам».
Благодарность великую
за подарочек выданный
наш кубанец тут высказал
песней вольной.
Стал кликать он
и сельчан, и сородичей,
тех, кто плуг крепко держит,
с утреца, чтоб, как водится,
в поле выйти с надеждою
на лета урожайные
да на жизнь трудовечную

для великой державы
и на радость сердечную.
Защитили кубанцы
от врагов-чужестранцев
реку с гор неумную
и поля черноземные.
Все о ниве радеют,
сил своих не жалеют,
потому богатеют
хлебом с доброю песней
да с детишками вместе!

Камни

Камница я, камнелюба. Их собираю... Говорят, что они молчат. Беру в руки галечку с Тонкого мыса Геленджикской бухты из середины прошлого века, качаю на ладони и вспоминаю, как нас качало синеглазое море. Русское когда-то, а теперь – Черное. А у камешка примета есть особая – дырочка, сквозь которую на солнышко посмотреть можно. Наши пращуры вешали в курятнике камень, похожий на птичью головку, – куриный бог – чтобы кикиморы кур не таскали. Сила чудодейственная тогда есть, когда сама природа в камешке отверстие сотворила. Как вот в этом – с побережья Ла-Манша. Вон какое расстояние! А «жучок» терзал камень, видно, один и тот же, который просверливал и корабли деревянные. Камни не молчат. Прислушаешься, и древнюю легенду поведают каменные «бабы» из Мексики, и продолжат ее камни календаря Стоунхенджа в Англии. А дольмены на Кубани? Вот дольмен любви и гармонии, а вот – прозрения... Сколько им лет? Тысяча? Три тысячи?

Каменный уголь, каменная соль, от которой каменные болезни приключаются. Да вся толща шара земного из камня состоит. Разве молчаливы молодые Кавказские горы, где «ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...»? Каменный пояс нашей великой Родины богат камнями. Урал – драгоценная малахитовая шкатулка с несравненным «Каменным цветком».

Бывает так: лежит камень на дороге, обычный или дикий валун. Один человек его обойдет, другой объедет, а третий, пыхтя, сдвинет в сторону, в кювет, чтобы путь не загораживал. И... нет камня преткновения! Домой придет человек, бросит в каменку хворосту сухого, пару

поленьев, и подарит печка тепло на целую ночь. Для хозяина и для не «каменного гостя». От огня, правда, и камень может треснуть. А во дворе у дома клумбу камешками оградишь — любо-дорого смотреть, камень на камень положишь — забор будет. Ничего особенного. Это ведь не та лепота ослепительная, за которую в старые времена мастера лишали зрения адским камнем, дабы художник не повторил дело рук своих еще раз. И стоят палаты каменные, замки высокие да храмы величественные.

Немы ли камни, века выдавшие, мхом покрытые? Опаленные страшной мировой войной и почерневшие от крови камни Брестской крепости стонут и по сей день! «Гимнастерки из камня» на памятниках павшим воинам тревожат до слез людские сердца. Брусчатка Красной площади хранит эпохальные события...

В детстве камешком с ладони водные «блины» могла испечь. Шли круги и обещали радость встреч... Мне «Сад камней» приснился как-то: камней пятнадцать, но один своей спонтанностью контакта меня встречал как Лознгрин. Песчаной поступью подмостки держали сказочный хаос, и гениальную загвоздку ловила я с трудом за хвост... С трех — монастырская ограда. Одна — для взоров сторона. «Реандзи-сад» — уму услада, модель познания им дана. С философичностью значенья могу увидеть камни все, лишь воспарив над окруженьем иль... слившись с ними насовсем. В столицу древнюю, Киото, меня из сна мудрец зовет. Там человечество работу с загадкой каменной ведет. Я часть ее решить сумела, пусть умозрительно пока, в своем саду насущным делом свой камень вновь иду искать...

Чу! Плачет Ярославна на каменной стене. Бел-горюч Алатырь-камень лежит на острове Буяне. Где есть

«растущие» камни? На полях Валдая. А Тмутараканский камень? В 1068 году русский князь Глеб измерил расстояние от Тмутаракани до Корчева (Керчи) по льду Керченского пролива, о чем была сделана памятная надпись на камне. Завораживает знакомым очертанием скала Пушкина на Тамани. И никто не знает, где тот драгоценный перстень, что наш солнечный поэт подарил своему другу Данзасу в столице Белокаменной. Десять гранитных фигур украшают портик главного подъезда Нового Эрмитажа, а гора Кольцо — Ставрополье... Все камешки-кремушки, камни подводные, надводные и надгробные являются историческими свидетелями вечности.

Подумаешь об этом, как бы сама с собой поговоришь, и если уж не египетская пирамида, то какой-нибудь суетный камень с сердца свалится, но встанет вопрос: из каких камней яхонтовых, камнепадных, небесных, слезно-страдальческих (капля камень точит, голодный откусил бы и камня) или философских, прозаических и поэтических строит человек очаг души своей? «На камени веры» себя испытывает?

Пусть каменные громады возвышаются над человеком, им самим возведенные, но он рвется туда, где каменные исполины — горы, скалы, каньоны стоят в своем первозданном виде, в своей непредсказуемой красоте. Вдохнет человек глубоко — и нет в помине камня за пазухой, и человек выше ростом стал! Почему? Может быть, потому, что вокруг камня, положенного в основание родного дома, у человека с некаменным сердцем мир вертится?..

Дед и жизнь

Собрался дедушка родной
В мир уходить, ему чужой,
Туда, где света больше нет,
Отсюда, где лучится свет.

Дед сыну землю отписал,
Чтоб тот рожь сеял, убирал.
Мол, чернозем кубанский есть,
Ты береги его как честь!
Скотину, уток, кур, гусей
Отдал дочурке дед своей.
Отнес дед удочку соседу:
«Живи и голода не ведай!..
Кубань течет, сколь рыбы в ней!
Иди, лови ее скорей!»

Жены лишился дед давно —
Был страшный тиф тому виной.
Свой дом дед внуку завещал,
Как раньше с бабкой обещал.
Но не родился внук пока.
Дед для себя издал указ:
«Моя лишь печь, тут мне лежать,
Остаток жизни обожать.
Прошу меня не обижать
И мне в лежанье не мешать».

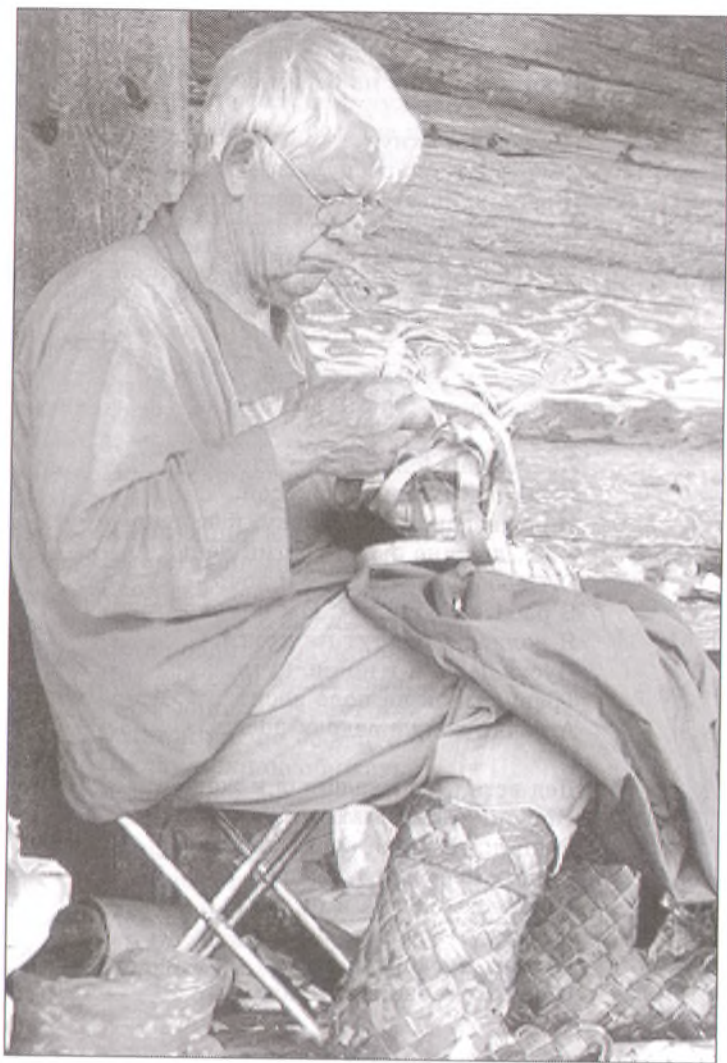
Дни и ночи трудясь, Смерть устала
И, присев на пенек, задремала...
Вдруг приснился ей сон необычный,
Что и к ней смерть пришла, горемычной!
И спросила: «А где папа с мамой?»

Ты — девица иль, может быть, дама?
Есть ли муж у тебя? Есть ли дети?
И кого любишь на белом свете?!»

Вздрогнув, охнув,
Смерть сразу проснулась
И закашлялась, сном поперхнулась.
Прогнусавила, грозно зевая:
«Хорошо, что одна я такая!»
Тут добавить, пожалуй, уместно —
К Смерти смерть не придет.
Всем известно.
Ну а всем остальным, так ведется,
Обязательно смерть достается.

Лежит дед день, лежит второй
И ждет Костлявую с косою.
И дед взгрустнул: «Лежу, как пень,
Уже, должно быть, третий день.
Стыдоба гложет. Сват и дочь
В работе с солнцем. Им помочь
Я должен, как тут ни крути,
Пусть даже и в конце пути.
Траву сынок на поле косит,
А дочка воду в ведрах носит...»

Дед встал, на кладбище к жене
Пошел, стал думать в тишине.
Решил: «Покуда носят ноги,
Сидеть негоже на пороге.
Пока есть бревна и пила,
Нас ждут хорошие дела.
И ждет кубанская земля!
Кого? Конечно же, меня!

Пока глаз видит белый свет,
Паши да сей – и весь секрет.
Работать надо. Надо. Надо!
Работа – вот душе отрада!»

Чтоб жизнь потверже обрести,
Себя от смертушки спасти,
Чтоб за безделье Бог простил,
Уселся лапти дед плести.

...А в Новолеушковской станице
Столетнему дедушке снится:
Он в лапти одел всю округу –
Родных, незнакомых и друга...

Материнский круг

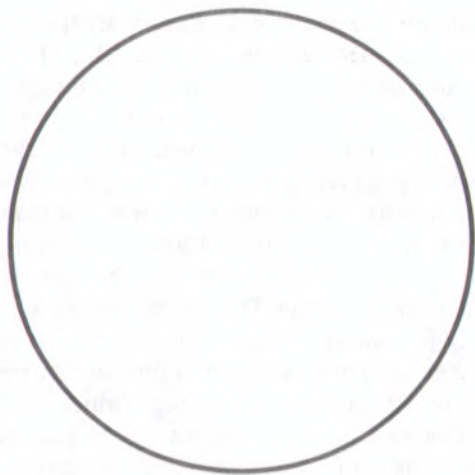
Читала многократно старинный мудрый сказ о подвигах Геракла, что Прометея спас. Да, Прометей нам, людям, огонь богов принес, мы Прометея любим и горько нам до слез, что был потом прикован к горе Кавказской он, пусть все же коронован стал славою времен. Поступком Прометея горжусь в текучке дней, как он, я не жалею огня души своей – читаю мифы, сказки и песни вновь пою, живу я на Кавказе, Кубань мою люблю. Горжусь я Прометеем, скажу не просто так: ведь утверждать посмею: мне Прометей – земляк!

Еще одно событие покоя не дает – могло быть и не быть оно, но в прошлое зовет, приводит к настоящему, тревожит не на час всю душу леденящее... Об этом мой рассказ. Где для бесед о вечном предгорья собрались и трели птиц извечно взлетают звонко ввысь, где с гор

сбегают тени, где свет — с Кавказских гор, известна поколеньям легенда с давних пор.

Заспорили две женщины. «Ребенок этот мой!» — одна твердит, неженственно притопнув раз ногой. Другая, удивленно дугою выгнув бровь: «Он — мой родной, законный!» — тревожно шепчет вновь. Как трудно разобратся в столь крошечной судьбе, и женщины стремятся с поклонами к судьбе. «Ручонок у ребенка хватает на двоих», — сказал судья негромко, когда плач детский стих. Вокруг дитяти мелом мудрейший сделал круг. «Теперь тяните смело!» — потребовал он вдруг. «Итак, тяните сына за белую черту, клин вышибайте клином, и кончим маяту. Вы действуйте скорее, показывайте нрав, — уже решенье зреет: кто вытащит, тот — прав...»

В сторонку потянула ребенка нежно мать, другая же дерзнула на месте удержать. И руки, как канаты,

обвисли. «Не смогла... — шепнула виновато. — Ох, не уберегла...» Тогда судья устало промолвил: «Приговор». В округе тихо стало, умолк и птичий хор. «Та — мать, что пожалела ребенка своего. Встань, женщина, с коленей и обними его. Прилежно сына пестуй, взрасти богатырем, а этот круг мы местом священным назовем. Душой сын будет чистым, живя в родном краю, он защитит Отчизну и матушку свою!»

Спокойно горы режут на ломти облака. Мой круг — из рук, — в нем нежность, течет забот река... Алеет снова утро закатам всем под стать, и жизненная мудрость пронзительно проста.

А где-то спорят снова: «Ребенок этот мой!» Судьи какое слово поможет в час лихой?!

Урок

Жил на свете кубанский писатель. Он немало поэм сочинил. И стояли в шкафу фолианты, на которые автор глядел. Время шло. Стал он видеть все хуже. Слепота наступила, как ночь. «Стар я стал... — как-то молвил он тихо. — Отправляться в путь дальний пора, но еще силы есть для романа. Лучше всех моих книг будет он. В нем судьбу я умом подытожу, кровью сердца любовь опишу. Руки держат перо, и бумаге я отдам откровенья свои. Вас прошу, дети, внуки, родные, мне помочь — не могу не писать. В кабинете я стану работать. Завтра будет торжественный день».

«Болен ты, наш отец и наш дед, ну зачем утруждаешь себя? Ты сиди, отдыхай, песни слушай, что успел, то ты создал уже».

«Не мешайте. Прошу — помогите мне хорошее дело свершить. Мудрость ведь не с рожденья приходит, а

с годами, так Бог повелел. В пузыречек чернил мне налейте, дайте стопку пребелых листов и перо, что с утиным так схоже, принесите — работать начну...»

Утром было все, как попросил он. Сел за стол, начал быстро писать. Торопился. Ночами трудился. Так и месяц прошел, и другой. А за ним семь еще пролетели... Год истек в честных, строгих трудах. Как скрипело перо и стонало, и светлела душа день за днем! Неуемно творец торопился, забывая подчас о еде. Он работал, мечтал, был счастливым, но однажды перо отложил. «Все, — сказал он спокойно и твердо. — Труд готов. И я тоже готов». И, расправив усталые плечи, он вздохнул и покинул сей мир.

На другой день пришли попрощаться те с покойным, кто верил в него, и пройти в кабинет попросились, чтоб на рукопись раз посмотреть. Сын и дочь проводили пришедших. Подошли все к столу. Как же так?! Стопка чистых листов там лежала, и блестело перо на свету. Где роман? Дети тут объяснили: «Наш отец был больным и слепым. Чтоб не брызгал чернила на стены и не пачкал ковер и тахту, мы в чернильницу... воду, лишь воду подливали ему целый год».

От добра-то добра ведь не ищут. И талант разглядеть нелегко. Кто богат, чем и как бессердечен? Кто слепец, а кто — зрячий, хоть слеп?

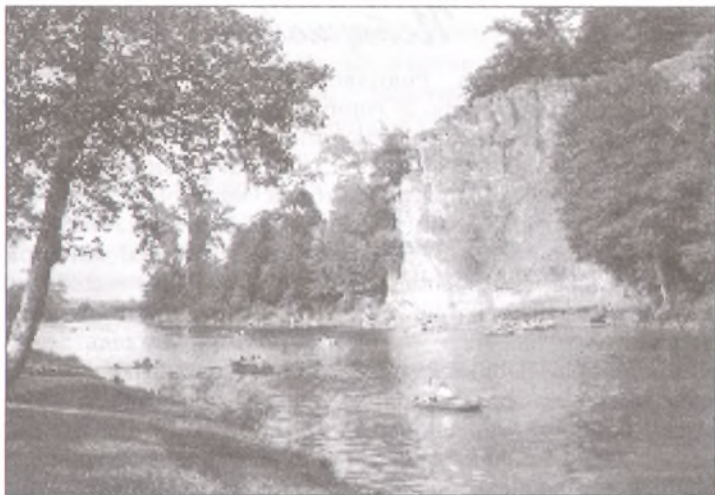

Петушок

Жила-была гора. Родилась она давненько, да вот имени своего не имела. У горных хребтов особые правила. И гора не могла им не подчиняться. Стояла она там, где серую каменистую кручу рассекает узкое Дантово ущелье, а между двух гигантских каменных стен бежит и без устали звенит серебристый ручеек. «Что за высота у меня, всего 27 метров! Курам на смех! Вот гора Щетка – 776 м, и водопад у нее есть. У Чуры – 2260 м, а горный хребет Чугуш еще на тысячу метров выше и ледник свой имеет...» – некаменно сокрушалась безымянная гора. И однажды спросила у пролетающих над нею белоснежных облаков: «Сверху вам все видно. Скажите, пожалуйста, какая я?» Пушистые облака заулыбались, их воздушные светлые перышки разлетелись в разные стороны. Ничего они не смогли поведать, так как могучий порыв ветра понес их дальше.

Но ветер слышал вопрос горы, подлетел к ней, облетел вокруг и сказал: «Красивая ты, гора! А вершина твоя напоминает... петушиный гребешок», – и полетел куда-то. «Спасибо тебе, добрый ветер!» – поблагодарила гора, громко потрянув всеми зелеными листиками своих густых кустов. До этого она уже не раз задавала такой же вопрос реке Псекупс и вечно шумящему соседнему ручью. Но шум текущей кристально чистой воды, видимо, заглушал ответ.

Загрустила совсем гора. И вдруг услышала неясный гул, вздрогнула и даже качнулась. Сама земля успокоительно произнесла: «Ветер правильно тебя описал. Быть тебе Петушком, раз ты на петушиный гребень похожа. Никакие куры смеяться не будут. Ты и солнышко раньше их увидишь, и запевки птичьи услышишь первой. Все простые петухи на тебя равняться станут!»

Так и стоит по сей день в родном Краснодарском крае гора Петушок, в гости путников к себе приглашает и радуется своему звонкоголосому веселому имени, отгоняющему злых духов и привлекающему добрых.

Русское море

Веселые, окаймленные сверху белыми ажурными «барашками», голубовато-зеленоватые волны накатывались на пляжную гальку, одевая мелкие и крупные камешки в темные, соленые, водяные одежды. Когда волны откатывались, чтобы собраться с силами и вновь «лизнуть» берег, некоторые галечки светлели. На эту игру волн вблизи и на зовущий, загадочно мерцающий морской простор вдали можно смотреть бесконечно дол-

го, лишь бы времени свободного хватило да солнышко светило. Хорошо морюшко с берегу!

На большом валуне, теплом от знойного дня, сидели двое: немолодая женщина и смуглая от загара девочка, обе — от кончиков девчоночьих косичек и до уложенных в «ракушку» седых волос — влюбленные в море. Это заметил бы каждый с первого взгляда на них. А если еще и послушать, о чем они негромко говорили, то не осталось бы никаких сомнений в том, что обе «морячки» имеют трепетно-родственную связь поколений и, очарованные морскими красотами и чудесами, понимают друг друга с полуслова: головы их почти соприкасались, а руки часто встречались, словно передавалась через них особая тайная энергия, смывавшая всякое возможное омрачение.

Бабушка и внучка обожали море: одна — больше шести десятков лет, несколько ностальгически, другая — более юная особа — жадно впитывала в себя горько-соленое очарование впервые, чтобы унести это могучее, колышущееся раздолье в свои кубанские дали... Возрастающая с каждым днем, удивительная, но не удивляющая бабушку внучкина нежность к морю проявлялась в ее вопросах. Как радовалась бабушка внучкиным почемучкам! «У меня есть имя. Я знаю, что оно означает! А почему море — Черное?! — спросила девочка. — И сколько ему лет?»

Бабушка не удивилась, ибо сама хотела поведать о своих «изысканиях» на эту тему: к морским загадкам и разгадкам она имела особое расположение.

«Случилось это более 10 миллионов лет назад», — начала объяснять рассказчица. «Красивое слово — миллион! — нараспев произнесла девочка. — Его, кажется, придумал путешественник...» — «Марко Поло!» — прозвучало в один голос. «Словесница ты моя дорогая!» —

бабушка обняла внуку и продолжила: «Черное море было частью пресноводного Сарматского моря — Нео-Тетиса. А наше современное — молодое. Ему без малого 10 тысяч лет». — «Ой! Какие цифры: 5 миллиардов лет Земле, 5 миллионов лет животным, 50 тысяч с большим хвостиком человечеству; 500 лет назад началась эпоха великих путешествий и континентальных открытий; 50 лет первому в мире космическому полету и первому космическому языку с гагаринским «Поехали!» — одному из 150000 русских литературных слов. А моему любимому морю — 10000 лет!» — протараторила внучка. «Да, числу «пять» Пифагор отводил особое место, считая его самым счастливым из всех чисел. Но когда ты успела полюбить море?» — ласково произнесла бабушка. «Как увидела, так и влюбилась!» — «Ну, точно я в молодости, — улыбка расцвела на бабушкином лице, и рассказ продолжился: — Все эти годы море не стояло на месте, а разливалось. Да еще как! Самый большой потоп связан с землетрясением, вызванным изменением угла оси вращения Земли на десятые доли градуса, примерно 6000 лет назад. Потоп назван Дардановым, по имени царя Дардана, основателя Трои. Черное море соединяется сейчас проливом Босфор с Мраморным морем, а далее, через пролив Дарданеллы, с Эгейским и Средиземным морями. Легенду о царе Аттики Эгее ты уже знаешь. Но тогда и воды Балтийского моря докатились до Черного». — «Ого! — воскликнула внучка. — Это как же: север и юг соединились? А люди?..» — «Именно. От этого разлива чудом спаслись кимврские всадники, и не осталось никаких памятников VIII—VII вв. до н. э. Только через столетия вместо исчезнувших киммерийцев эту местность заселили скифы — кочевники, пахари, земледельцы».

«Есть что-то скифское во мне!» — пропела девочка громко, раскинув руки. «Почему Черное? На иранском языке «темное» — Ахшаена, древние греки и переняли название: темное, т. е. негостеприимное. Русское море, Студеное, как оно еще называлось, встречало гостей неласково, тем более что и лежало оно севернее их земель. Во многих азиатских языках черный цвет обозначал север, значит, Черное море — Северное...»

«Теперь берега оберегают море от разлива, если вспенится оно бурливо. Мы собираем ракушки, в которых жили ракообразные. А сидим мы на валуне. Он откуда свалился?» — засмеялась своему вопросу девочка и замерла, вдруг увидев буруны и всплески вдалеке. Может быть, это — дельфины... Или отражение серебристых облаков, уплывающих за розоватые от захода солнца горы...

«А Черное море — глубокое?» — «Более 2 километров глубины». — «Зато самое мелкое — Азовское, всего 7 метров, и связано с Черным морем Керченским проливом», — добавила бабушкина внучка. Обе «морячки» замолчали, не отрывая глаз от темнеющей и зовущей линии горизонта.

«Как же живут в такой соленой и пропитанной сероводородом воде рыбы?» — «В верхних слоях сероводорода нет, вот то, что соленое морское царство населяют и пресноводные представители Балтийского моря, и является подтверждением исторического мифа и загадкой одновременно». — «Черная речка, Черное море, Черная Русь... Белая речка, Белое море, Белая Русь...» — задумчиво произнесла бабушкина любимица.

Пожилая женщина хотела рассказать внучке о том, как та, будучи трехлетней малышкой, пожалела любимое Черное море. Проездом они побывали в этих кра-

ях. Зайдя тогда в воду без всякого страха, девчужка, как утка, смешно присела несколько раз, окунаясь, и вдруг пронзительно на весь пляж закричала, пять раз не выговаривая букву «р»: «Сколей, сколей! Валя моле исполтит!» Срочно отвели ее под кустик. «В другой раз поведу...» — решила опытная морячка.

А юная с каким-то необыкновенно просветленным лицом переводила взгляд с небесной необъятности на морскую и о чем-то мечтала...

Амазония

Бархатный лунный свет мягко скользил по уснувшим окрестностям озера Меотида (так в древние века именовалось Азовское море). Нескончаемую, казалось, тишину разрушал своим потрескиванием жаркий костер, выхватывая из весенней темноты то скальную плиту, то продуваемую вездесущим ветром долину вдоль реки Фердомонт, то пугающий вечной таинственностью дубовый лес.

Иногда вскрикнет неугомонная чайка, прошуршит в кустарнике дикий кабан, а в травяном загоне начнут громче пофыркивать кони.

Стройная, молодая, сильная (по развороту плеч было заметно) девушка следила за полыхающим огнем, подбрасывая в него все новые и новые хворостины и подвигая по мере сгорания достаточно толстый березовый ствол. Ненасытное пламя своими языками пыталось «поцеловать» блестящие золотые браслеты на смуглых запястьях хранительницы прибрежного очага, но только отражалось в них и в узорных застежках на сандалиях, играло бликами на ниспадающей кожаной накидке, стяннутой широким рисунчатым поясом с драгоценны-

ми камнями чуть выше тонкой талии. Гордую девичью шею обвивало дорогое ожерелье – символ царского величия. Рядом на земле лежали два лука со стрелами, а также сагарис (скифский топор) с двойным лезвием в виде полумесяца по бокам. Курчавые темные волосы сразу же заструились по спине, как только девушка убрала удерживающий их на голове резной костяной гребень.

Две неглубокие, но заметные складки на высоком лбу царицы амазонок Ипполиты, а это была она, доказывали, что не ради удовольствия отказалась красавица от благодатного теплого сна. Искусная из искуснейших в племени размышляла под звездным полуночным шатром о предстоящем походе. Амазонки повезут в соседнее царство злаки с плодородной предгорной равнины, вина из цветущей Гермонассы, шкуры из теплой Горгии. Если придется, то мужественно вступят в военные схватки пешими и конными, могут и совершить набег на поселения ремесленников.

Царица задумчиво смотрела вверх горячего облака из сверкающих искр и вспоминала: ее предшественницы веками достойно продолжали дела женского государства. Как живые, проносились перед царским взором образы соплеменниц, основавших города Эфес, Синоп, Смирну... Храбрейшая Амазоя убита на чужбине. В храме богини Артемиды в Эфесе поставлена деревянная статуя девы со щитом, а деревушка рядом с городом носит имя Латории, которая смело сражалась с фригийцами. Говорят, что Эгейское море получило свое название в честь царицы амазонок Эгеи. Высокий курган недалеко от Понта Эвксинского (Черное море) носит имя Мирины, прозванной «легконогой» за несравненное умение управлять колесницей.

Нежной улыбкой осветилось серьезное лицо Ипполиты, когда она вспомнила свою сестру Орифию. Та недавно стала матерью, родив мальчика и девочку. Мальчика по обычаю племени отдали в соседнее. Орифия переживала, хотя виду не подавала, да это и не было принято в роду. Для сохранения потомства амазонки вступали в связь с соседними народами, отсылая им родившихся мальчиков, а девочек оставляли у себя и готовили их к войне. Девственница Ипполита мечтала о ребенке, но поступить, как до нее действовала царица амазонок Фалестрида, посетившая с тремя сотнями своих женщин-воительниц Александра Македонского, чтобы иметь от него детей, она не могла. Что-то удерживало ее...

А каким счастливым было детство Ипполиты! Матушка Главка воспитывала дочь выносливой и упорной, решительной и отважной. Ипполита легко метала дротик, точно стреляла из лука, сидя на лошади, в совершенстве владела военными хитростями. Она стала отменной наездницей. Главка предрекала дочери царское будущее.

Три зимы и три весны назад Ипполита осиротела, потеряла в битве мать. Ущелье, где Главка, защитница и воспитательница, нашла свое вечное успокоение, дочь хорошо запомнила. Став царицей амазонок, Ипполита старалась сделать так, чтобы войско под ее предводительством возвращалось после трудных походов в эти места. Непередаваемо волнующее чувство каждый раз вспыхивало в ее душе, и ни с чем не сравнимая радость могла вдруг так обуять ее, что хотелось взмывать к небесам и лететь, лететь...

Из поколения в поколение передавали амазонки свои славные легенды, сказания и песни о ратных успехах,

победных походах и житейских правилах. Одни гласили, что амазонки — наследницы греков, другие называли амазонок кентаврами, ибо трудно бывало различить, где человек, а где лошадь. Третьи ведали о том, что амазонки — потомки скифов и сарматов и жили всегда на степных просторах реки Танаис (современный Дон). Название река получила в честь сына царицы амазонок Лисиппы, который влюбился в родную мать и бросился в реку, чтобы избежать кровосмешения.

О, сколько добрых и недобрых событий наполняли чашу старого и нового летоисчисления! Амазонок воспели великий Гомер и мудрый Геродот. Другие историки спорили 25 веков подряд и продолжают спорить, откуда произошло звонкое название страны Амазонии: то ли от иранского «a masso», где «masso» — трогать, касаться, «a» — отрицание, т. е. не дотрагивающиеся до мужчин; то ли от величайшей по водности реки Южной Америки — Амазонки; то ли от греческой фразы «a mazos», — полногрудая, сильная; то ли от слова «maza», что в кавказских языках до сих пор значит «луна» и может быть эхом древности, когда Луну обожествляли жители этого региона. Луна — богиня охоты — соответствовала греческой Артемиде. Традиции матриархата были в то время непререкаемыми. В кельтских, германских и скандинавских племенах женщины воевали наравне с мужчинами и часто их было даже больше, чем мужчин. Существовали особые женские отряды и полки. И по некоторым сведениям, последняя амазонка скончалась в XIX веке...

Царица амазонок Ипполита, сидевшая у догорающего костра, конечно, не могла этого знать. Не знала она и того, что никогда не вернется в родные края. Через не-

сколько дней в схватке с кочующим племенем Ипполита будет смертельно ранена...

Сказочное полнолуние

Когда мне не спится, я слушаю тишину. Ушки стараюсь держать на макушке, чтобы не пропустить ни одного шороха или звука, того, что слышится невнятно и, может быть, даже видится. И вот однажды в полнолуние раздались голоса с моего письменного стола, на котором стоят в коробках ручки, линейки, карандаши, ножницы, рядом лежат тетради, стопки чистой бумаги и разного рода мои заметки и записи.

«В середине XIX века говорили, что комната образованного русского человека — это стол, стул и Даль, — раздался легкий шелестящий шепот бумажного листа. — Добавлю от себя: бумага и перо. Каждый должен знать свою родословную. Слово «бумага» произошло от итальянского слова *bambagia* (хлопок). Именно так родилась бумага в XII веке в Китае. В XIX веке ее стали изготавливать из древесины. Известно более 600 видов бумаги, включая писчую, синтетическую, реактивную... Цари и полководцы писали на веленовой бумаге (фр. *velin*). Это лучший сорт пергамента (от греч. *pergamenes* — *Pergamos*, Пергам в Малой Азии), получаемый из кожи животных, обработанной особым образом.

Были еще папирусы (лат. *papyrus* от греч. *papyros*), которые изготавливались из многолетнего водного растения семейства осоковых в древности и средневековье.

Не могу не упомянуть о рифленной бумаге — верже (фр. *verge*) с узором, подобным водяным знакам, — не-

сбыточной мечте многих, кто пишет и хочет быть изданным».

А на каком листе бумаги составлялось прошение поэта Александра Сергеевича к императору: «Я почел бы своим долгом переносить мою опалу в почтительном молчании, если бы необходимость не побудила меня нарушить его...»??

Обычная прозрачная шариковая ручка позволила себе добавить несколько слов о манускриптах (лат. manus — рука, scribo — пишу). Именно этот термин применяется к античным или средневековым, главным образом западноевропейским, рукописным книгам. А другая ручка с включающимся освещением упомянула Иоганна Гутенберга, немецкого изобретателя книгопечатания, и первую напечатанную книгу — 42-строчную Библию (середина XV века), признанную шедевром ранней печати.

После короткого шуршащего движения в беседу вступила черная копирка: «В канцеляриях дореволюционной России в XVIII—XIX веках и в Советском Союзе в XX веке нас очень ценили, копиист-переписчик теперь за редким исключением ушел из дела из-за новых технологий».

Двухцветный граненый карандаш вежливо продолжил: «Я происхожу от тюркского «кара» — черный и «таш», «даш» — камень. Свинцовые и серебряные штифты в металлической оправе применялись в XII—XVI веках. Итальянский карандаш — с XIV века, графитовые — с XVI, а изделия из графитного порошка с глиной в деревянной оправе известны с XVIII века».

Одним ухом я сплю, другим слышу, как моя зеленая линейка прямолинейно вступила в роскошь позна-

вательного ночного общения: «Линейка — инструмент для проведения прямых линий и... экипаж длинный, многоместный, открытый, с продольной перегородкой. О линейной зависимости и линейной поляризации, как, впрочем, и о линейном неравенстве и программировании, могут говорить специалисты. Меня радуют линейное судоходство, морские линии и линейные войска (пехота и кавалерия XVIII—XIX веков), линейные корабли-линкоры (XVII—XIX века), культура линейно-ленточной керамики эпохи неолита (конца 5—4 тыс. до н. э.). Какие же древние у меня корни! Особенно горжусь я линейным письмом, системой, пользующейся условными геометрическими знаками А и Б, а не рисунками или другими символами. Критское письмо, иероглифическое — древние виды письма (3—2 тыс. до н. э.)».

Блестя дужками, стоя в канцелярском стакане острыми концами вниз, молчаливые ножницы боялись нарушить лирическое настроение своих собратьев по письменному столу даже напоминанием о себе: нож... ниц... Тонкая стальная пластинка — лезвие «Спутник» — скромно лежала около скрепок, которые стыдились своих действий в отношении бумажных листов, жаждущих свободы.

«О мои великие работяги, мои помощники!» — хотелось воскликнуть мне, но я сдерживалась, не смея спугнуть очарование полуночных откровений.

И в это мгновение не выдержал мягкий серенький ластик, пролепетав решительно и настойчиво: «Где же перо? Да, да, то, на котором пушкинской вязью начертано имя поэта?» «Весьма польщено! — сразу же откликнулось в пронзительной тишине светлое гусиное перо с полки большого книжного шкафа. — Конечно, я только

почетный приз из пушкинского музея на Неве начинающему талантливому литератору, у которого легкая летучая строка, и пишет он не пером, а умом, да преславно, шляпных перьев уже не носит, не спит на перине и алмазных перьев не имеет. Зато знает отгадку загадки: голову срезали, сердце выкинули, дают пить, велют говорить. Всякая птица своим пером красуется, ведь в одно перо не родится птица. Иногда писатель пишет в два пера, да денежка не спора. Мой родственник — гусь из тех гусей, что Рим спасли. И я помню, что, когда гусь лапу поджимает, — это к стуже, а крыльями хлопает — к морозу. Да ведь не всяким пером из гусяного крыла ладно пишется. Тут очин не поможет. Считать-то надобно перья и выбирать! Когда-то существовало стило (лат. *stilos* — палочка для писания), и нас в сегодня оно привело.

Мудрый халиф в свое время не считал для себя зазорным пододвинуть чернильницу к каллиграфу. Умение писать всегда высоко ценилось. Сапфо писала стилем, а Данте и Пушкин — пером. Именно гусяным пером и были оставлены для родной истории славные строки: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками». Когда эта мысль возникла у двадцатилетнего русского Поэта? После того, как он с семьей генерала Н. Н. Раевского-старшего проехал линейные укрепления в станицах Казанской, Тифлисской, а затем и Ладожской и миновал Усть-Лабинскую почтовую станцию. Жарким августовским днем года 1820-го Пушкин прогулялся по Красной, главной улице столицы Черномории. А где же записал он свои впечатления? Вероятно, в атаманском доме Матвеева такой же полнотной ночью...

«Можно ли нам слово молвить? — подали голоса квартетом тонкие школьные тетради с метрической системой мер и таблицей умножения на последней страни-

це. — Тетрадь (греч. tetra — четыре) — несколько сшитых вместе листов бумаги. Словарь, книга выходят тетрадьми по 16 листов. Есть тетрадь золота».

Уловив словосочетание «тетрадь золота», я искренне и благодарно улыбнулась своим тетрадкам за их терпение к моим постоянным подчеркиваниям и помаркам. Лучик надежды мелькнул в неспящей душе: кто-нибудь когда-нибудь и мои суждения прочтает.

Кубанский лунный свет струился в дом, где за письменным моим столом тихо шла беседа о корнях, жизни и спасительной любви, на которой светлый мир стоит.

Слезная заплата Кубани

Дедушка Любомир притомился: все утро стучал в кузнице, с первыми петухами встал. Хорошо хоть младшенький — Вячеслав — рядом: слева поддержит, справа угодит. Имя свое отрабатывает? («Вяче» — больше, ну а «слава» — она и есть слава.) Нет, он — скромник, если сказать по правде. Любомир усмехнулся, погладил седую бороду, опаленную с одного края. Хороша жизнь: солнце в небе, дети при деле. Жаль, что женушка Людмила рано в мир ночной и вечный ушла родами четвертака — четвертого ребенка. Все ладится пока: старшой Ярослав в поле трудится, сна не ведая, — спешит с пахотой, рожь пора сеять. Зима-зимница студеная прошла, слава тебе Господи! По хозяйству Светозара управляется: и корову с козой обиходит, и живность пернатую накормит, напоит, да и изгородь подправить может. Рукастая растет. Милана — домохозяйка. Вся в матушку милую. Плошки-ложки перемоеет, стол деревянный поскоблит, по струганым полочкам одежду разложит. Любо-дорого смот-

реть. Живем... Так сидел и размышлял дед Любомир. А день к вечеру клонился...

Глядь, идет к нему сосед. Плечи его опущены, голова с проседью гордо не держится, глаза хмурые, сам смурной... «Что случилось?» — «Да вот в семье нелад завелся, — отвечает. — Я к тебе с миром, может, совет какой дашь. Зря ли, что ты именем мир несешь?» — «Садись, поговорим». И поведал сосед о своих семейных неурядицах: «Сын не хочет рыбачить — дело, мол, грязное. Дочка наряжается, жениха высматривает. Не помогает. Мы с матерью жилы рвем. Уважить дети не хотят. Жена моя к Слезному утесу бегала. Поплакала, говорит, легче стало. Отчего все так случается? Что делать, ума не приложу!»

Дедушка Любомир закашлялся и начал: «Эко, значит, потянуло... Женская душа — тонкая штука, вот и сама пошла, куда ходить страшно. Ты совсем малым пацаненком был, а скорей всего, еще на свет не появился, когда мой отец усадил меня как-то раз на колени и рассказал мне о Слезной запруде, той, что у реки нашей, с горы бегущей и шумливой, там, где густой лесок на большом холме, и тут попросил дед: «Милана, позови Светозару и мальчиков».

Когда все собрались, Любомир продолжил:

«Давным-давно за океаном, говорят, жили племена, которые своих дряхлых родителей лютой зимой оставляли у догорающего костра, а сами уходили на новое место. Где-то у теплого моря другое племя сбрасывало со скалы родившихся слабых деток: тот не кричал громко, когда свет впервые увидел, тот слабо материнскую грудь сосал, у третьего одна нога короче другой была... А у нас вот Слезная запруда появилась. Не знаю, когда, но тогда, видимо, когда наших родителей и в помине не было,

и их родичей, и тех, и тех. Но сказывали, по наследству как бы передавали, что болезных и старых отца и мать их дети отводили к высокому утесу и оставляли на берегу у воды — сколько протянут. Чтобы обузой не стали. Кто-то из пришлых соседнего селения добавлял, что некоторые старики и сами добирались туда, чтоб детей своих от стыда освободить да чтобы их собственных слез никто не видел. Такой жестокий век был. Такой страшный обычай. Явь такая ужасная. Но однажды произошло вот что. Случился мор. Пришла Морена. Погибали в округе и пожилые, и молодые, и совсем юные. А в семье прадеда Ведагора никто не болел. Жил он со своими родными, ибо те отказались везти его к Слезному утесу. Ведагор искусный был в том, что другим неведомо. Селяне до этого на их семью глядели косо: не выполняет, мол, обычая предков, а когда лихо приключилось, они присмотрелись, прислушались к мудрым советам старожилы, травы сварили и настояли да лечиться начали. И кто успел, выжил. Потом и отменили страшный обычай. Теперь уж много веков к Слезному утесу только девушки бегают, поплакаться о своем, о девичьем...»

Помолчали. Сосед, не проронив ни слова, встал, поклонился деду-сказителю и ушел, а Любомировы дети принялись за дела домашние, кои в век не переделать. Ты за дело — дело за тебя. Всякий дом хозяином держится.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Легенды	
<i>Об авторах</i>	7
Скала стариков	9
Абрау-Дюрсо	15
Горячие ключи	19
Лаго и Наки	24
Лаго и Накэ (<i>Второй вариант</i>)	29
Девичий камень	34
Водопад «Слезы Лауры»	38
Скала слез	43
Белая, Дах, Физиабго	49
Мамедово ущелье	53
Бухта Инал	58
Гуамское ущелье	65
Источник молодости	67
Разрытые курганы	70
Котх и Пшаф	74
Сказания	
<i>Об авторе</i>	85
Родная река	87
Поручик	91
Любовь	92
Карасун	93
Гостинец	96
Камни	99
Дед и жизнь	102
Материнский круг	105
Урок	107
Петушок	109
Русское море	110
Амазония	115
Сказочное полнолуние	119
Слезная запруда Кубани	123

Жерноклёв Иван Владимирович
Лотышев Иван Павлович
Медведева Светлана Афанасьевна

КУБАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ

Редактор *И. П. Лотышев*
Технический редактор *В. М. Склярова*
Корректор *А. Н. Архипова*
Верстка *Л. В. Шевелькина*

ООО «Диапазон-В»
350000, г. Краснодар, ул. Октябрьская, 155. Тел. 275-06-48.

Подписано в печать 10.03.2011. Формат бумаги 70x100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура шрифта «School». Печать офсетная. Объем 5,2 печ. л.
Тираж 3000 экз. Заказ № 22.

Отпечатано в ОАО «Издательство «Советская Кубань»
350000, г. Краснодар, ул. Рашиповская, 106.

